Война
E41—
140

1-й экз. с фонда

Е 41/140

Д. КИН

947 Р9
К-41.
КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
24.9
ПОГАШЕНО
ГОВ. 1935
V ср. 2577

ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

„КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“
1924

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 33292 1988г.

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Шт. Р.-Кр. К. А.
Пл. Урицк. 10.
Ленинградский
Гублит № 2372.
Тираж 4.000.
Заказ № 80.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Революция и война, — говорил тов. Троцкий на всероссийском с'езде политработников, — часто в истории шли рядом... И та и другая, — и война и революция, — означают величайшее потрясение общества, когда старое, привычное равновесие нарушается, внешнее потрясение вызывает внутреннее и наоборот. В природе войны и революции есть общие черты"...

Маятник капиталистического развития беспрерывно колеблется между войной и революцией. И никогда это не было так ясно, как в наши дни.

Россия в течение последних двух десятков лет с перерывами идет путями войны и революции.

Глубокая внутренняя связь между этими социальными потрясениями, часто идущими в истории рядом, кажется понятной. Но буржуазные ученые и публицисты склонны видеть в послевоенных революциях солдатские бунты, следствие поражений и усталости народных низов от войны.

Излюбленной идеей буржуазии стало: победоносный народ не знает революции. Эта обывательская пошлость, возведенная до степени „научной истины", является довольно распространенной. Ее классовая подоплека слишком ясна. Только путем выяснения действительной экономической и политической связи современных войн и революций можно бороться с подобными „научными истинами" буржуазии и мещанскими благоглупостями.

Что общего в войне и революции, что отличает их друг от друга?

Смысл, задача, основная цель войны и революции внеэкономическим путем создать необходимый простор развития производительных сил для свободного общества, беспрепятственного роста его материальных богатств.

Империалистическая война является попыткой решить эту проблему (разумеется, когда она назрела) вовне, революция— внутри данной капиталистической системы. Война идет вширь, революция вглубь. Путем войны империалистическая буржуазия пытается включить в определенную систему капиталистической эксплоатации новые хозяйственные территории, пытается распространить свое господство на новые и новые области. Пролетарская революция, наоборот, стремится опрокинуть эту систему наголову, перестроить ее сверху до низу, и таким методом создать необходимую обстановку для свободного развития производительных сил.

Экономический под'ем в мировом хозяйстве, наблюдавшийся в годы перед войной 1914—1918 г.г., незадолго до ее начала пошел на убыль: производительным силам мирового хозяйства стало тесно в национальных рамках буржуазных государств. И так как современные экономические кризисы чреваты революционными осложнениями, революционными катастрофами, то у империалистической буржуазии оставался один выход: если не хочешь революции, готовь войну.

„Основной целью войны для буржуазии всех участвовавших в ней стран было предупредить надвигавшуюся с неудержимой, стихийной силой социальную революцию",—говорит М. Н. Покровский в сборнике „Внешняя политика".

Когда же в России революция началась, необходимость политически противопоставить войну революции стала для буржуазии особенно настоятельной.

„Одна из основных причин продолжения войны",—говорил тов. Бухарин на 6 с'езде коммунистической партии в конце июля 1917 г.,—лежит в политике господствующих классов по отношению к рабочему классу... За последнее время, когда окончательно наметился революционный протест пролетариата, перед капиталистическими правительствами стали вырисовываться перспективы социалистической революции, пролетарского восстания. Наиболее прозорливая часть буржуазии еще в начале войны предсказывала такие перспективы. За последнее время эта перспектива стала совершенно ясно вырисовываться... Наименее благоприятной обстановкой для развертывания революционных действий международного пролетариата является обстановка войны... Для буржуазии в качестве основного решающего аргумента было: во время войны немыслима никакая классовая борьба".

Если мы с этой стороны подойдем к вопросу об участии России в мировой войне, то нам станет ясно, что Россия

начала войну с целью предотвратить революцию, подземные толчки которой явственно ощущались накануне войны, и впоследствии, когда революция вспыхнула, продолжала ее в значительной мере для того, чтобы войною убить начинавшуюся пролетарскую революцию.

Русско-японская война началась перед лицом надвигавшейся революции, но война отсрочила ее — ненадолго. Пережив дальневосточный позор и испытания революции 1905 года, буржуазно-помещичьи классы России и самодержавное правительство стали готовиться к реваншу в области внутренней и внешней политики.

Война 1914 г. была именно такой попыткой правящих классов дать реванш. Однако, дворянство и буржуазия просчитались. Реванш получили не они, а пролетариат и крестьянство России, потерпевшие поражение в первой революции.

Война 1914 г. Причины и цели войны.

Основное противоречие в экономическом развитии России.

1. Меньшевистские недоумки в период империалистической войны любили повторять, что погоня России за внешними рынками, русский империализм, вообще, явление неестественное, беспочвенное.

Русская промышленность, говорили они, не может насытить даже внутреннего рынка, удовлетворить спрос на товары со стороны крестьянства: куда же ей гнаться за внешними рынками!

Эту мысль очень часто развивал Церетелли в своих речах—„Оставьте, дорогие друзья, говорил он, обращаясь к буржуазии, мечты о внешних рынках. Обратите внимание на русского мужика, которого вы позабыли. В его лице вы найдете лучшего покупателя, ибо он всеми фибрами жаждет, алчет ваших товаров."

Ничего оригинального в этих соображениях не было.

В основном они напоминали идею Петра Струве, который в свое время писал: „Чем обширнее территория и многочисленнее население данной страны, тем менее нуждается последняя для своего капиталистического развития во внешних рынках". Он сравнивал Россию с Соединенными Штатами и говорил, что в России „рынок по мере экономического и общекультурного развития страны и связанного с ним вытеснения натурального хозяйства может неопределенно расти. В этом отношении капитализм в России находится в более благоприятных условиях, чем в других странах."

Энгельс в письме к русскому народнику Николаю—ону высмеивал теорию Струве о безболезненном развитии капитализма в России. Он указывал на то, что в России, где очень поздно сохранились пережитки натурального хозяйства, общины и т. д., „капиталистическая революция должна иметь

гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке."

Когда Энгельс писал это, ход капиталистического развития в России был еще далеко не ясен. Но в основном он правильно указал противоречие в экономическом развитии России.

Крупная промышленность в России развивалась с поразительной быстротой. Европейский капитал, проникавший в Россию, переживал вторую молодость. Высокие таможенные пошлины, дешевизна рабочих рук, необ'ятность российских рынков сулили неслыханные прибыли. Банковый и промышленный капитал приливали в Россию сильным потоком.

Царская власть идет на службу к европейскому и отечественному капитализму. Она создает для него путем протекционизма, поощрений, раздачи казенных заказов тепличную обстановку. Капиталистическая промышленность в России росла как на дрожжах. Но буржуазия оказывается не в силах убрать с дороги полукрепостнические отношения, сковывавшие развитие капитализма. Не будучи в силах приспособить к себе самодержавие, весь строй русской монархии, „европеизовать" его, буржуазия сама приспособляется к существующему строю, используя в своих интересах политическую мощь бюрократически-полицейского государства.

Несмотря на ряд тяжелых кризисов, развитие промышленности в России беспрерывно шло в гору.

И, что характерно для новейшего типа развития капиталистической промышленности, в России быстро развивалась тяжелая индустрия и производство средств производства.

С 1908 по 1912 г. продукция в области пищевой промышленности возросла на 12%, текстильной—на 23%, в области же горно-добывающей и металлургической—на 35%. За тот же период машиностроение дало увеличение продукции почти на 100% (с 46 до 90 миллионов руб.) [2]). И хотя текстильное производство давало $^1/_4$ ценности всей продукции страны, пищевое—$^1/_3$, все же можно было констатировать относительно более быстрый рост тяжелой индустрии. Этот факт должен был сыграть не малую роль во всей политике капиталистических групп России.

„Русская промышленность перед войной была наиболее концентрированной промышленностью в мире. В предприятиях-колоссах (с числом рабочих свыше 1.000) было занято около 25% всех рабочих России (без малого один миллион) и относительно втрое больше, чем в Германии, при чем и абсолютное число

рабочих этих предприятий (920 тыс.) было больше, чем в Германии (880 тыс.). Примерно то же получается и при сравнении с другой передовой капиталистической страной—Соединенными Штатами Северной Америки." (Л. Крицман. Ежегодник Коминтерна. 1923 г.).

Процесс синдицирования и трестирования, в первую очередь, в области железоделательной, угольной и нефтяной промышленности шел в России с быстротой, которой могла позавидовать Европа.

Усиление господства синдикатов сопровождалось невероятным ростом цен, особенно на нефть, керосин, уголь, машинное масло, металлические изделия и машины.

Таможенная политика царского правительства, оберегавшего отечественную промышленность от иностранной конкуренции, выдавала потребителя с головой на милость или, вернее, на немилость фабрикантов и заводчиков. С помощью государственного налогового аппарата капиталисты перекачивали в свои карманы народные средства под видом субсидий, ссуд, уплаты по заказам и т. д.

При этом значительная часть средств уходила на поддержание государственного аппарата и застревала в каналах, по которым налоги и подати приливали в казну.

О размерах поборов с крестьянства можно судить по следующему признаку. „Еще в первой половине 19 века, говорит проф. Исаев [3]), наука о финансах установила положение, что подати тяжелы, граждане удручены, если недоимки достигают 3—5% годового оклада. А для 50 губерний Европейской России они составляют до 90% оклада. У нас принято называть блестящим хозяйственное положение тех губерний, где недоимки не превышают 13—17% годового оклада податей. Некоторые же губернии имеют в недоимках 150—180—270% годового оклада. Интересно и то, что рост недоимок обнаруживается в губерниях, где промышленность сделала наибольшие успехи — в подмосковской промышленной области".

Таким образом, создавая тепличную обстановку для крупной промышленности, царское правительство в то же время подрезало под нею сук, вызывая непомерное истощение народнохозяйственного организма.

Крестьянская Россия, где, по конской переписи 1899—1900 годов, в 23 западных и центральных губерниях почти 29% всего числа крестьянских дворов вовсе не имело лошадей, где средний сбор хлебов с десятины в 3—4 раза меньше,

чем в западных странах, не могла быть достаточно емким рынком для промышленности. Тем более, что русский крестьянин должен был за все товары платить втридорога. По некоторым вычислениям за пуд хлопка русский крестьянин отдавал 13 пудов ржи, немецкий только 6, за пуд сахару—русский 8 пуд., немецкий—3 пуда.

Крестьянская Россия представляла собой узкую базу для развития промышленности. „Если капитал может насильственно отнимать у чуждых ему социальных союзов средства производства и насильственно заставлять трудящихся стать об'ектом эксплоатации, то он все-таки не в состоянии путем насилия сделать их покупателями своих товаров",—говорит Р. Люксембург в „Накоплении капитала". Крестьяне в России могли быть в этом отношении спокойны: им не грозила опасность, что капиталисты превратят их насильно в покупателей своих товаров.

По подсчетам профессора Гриневецкого, стоимость товаров на русских рынках, как произведенных в самой России, так и ввезенных из-за границы в 1912 году, достигала, в общем, 6—6¼ мил. руб. Эти товары распределялись между тремя группами потребителей: 1) промышленно-технической группой, приобретавшей товаров на 2—2¼ миллиарда руб., 2) городским населением, приобретавшим на 2—2½ миллиарда руб., 3) сельским населением, сельским хозяйством, приобретавшим на 1¾ до 2 миллиардов руб. Потребление крестьянства составляло лишь 30% общего потребления. В 1912 году деревня покупала на 500 мил. руб. продуктов пищевой промышленности, на 500—750 мил. р.—текстильной, на 250 мил. р.—горно-заводской и металлической, на 500 мил. р. разных изделий. Отсюда видно, что производительное потребление крестьянства было весьма незначительно. Крестьянство, продававшее 78,4% всего товарного хлеба в предвоенной России, крестьянство, создававшее 54% всего народного дохода, было крайне „умеренным потребителем". Буржуазия всемерно—путем синдикатских заговоров, введения монополии, форсирования вывоза и даже искусственного сокращения производства стремилась к повышению цен.

Нефтепромышленник М. Гукасов, представитель Совета С'ездов бакинских нефтепромышленников, заявлял в свое время: —„В среднем, за 1903—1909 г.г. заводы получали для перегонки около 400 милл. пудов нефти. Чтобы получить полностью продукты обработки из этого количества сырой нефти, необходимо производить от 95 до 100 мил. пуд. керосину.

Внутреннее потребление требует, приблизительно, всего лишь 50 мил. пуд., таким образом, остается излишек в 40—50 мил. пуд., который должен иметь обеспеченный сбыт на внешних рынках. В противном случае продукция должна основываться лишь на потребности внутреннего рынка и, следовательно, подлежит уменьшению почти на 100%“ [4]).

Внутри страны промышленность не могла найти достаточного сбыта. Вот почему молодая русская промышленность, при слабой насыщенности внутреннего рынка, должна была искать внешних. Действительность жестоко посмеялась над выкладками буржуазных ученых вроде Струве.

„Развивающаяся промышленность,—говорит М. Н. Покровский,—предполагает рынок; но внутренний рынок был скован сначала прямо крепостными, позже полукрепостными социальными отношениями. Изменение этих отношений было одновременно в интересах народного хозяйства в целом и народной массы, но не в интересах господствующего класса крупного землевладения. Сопротивление этого класса было всегда непреодолимой преградой для русской буржуазии: поставленная между демократией и дворянством, она всегда клонила в сторону последнего. Невозможность расширить внутренний рынок заставляла искать внешний, при чем расширение, естественно, шло в направлении стран, одновременно щедро наделенных природой и менее культурных, чем Россия.“ [5])

Промышленный под'ем накануне войны. Приближение кризиса.

2. С 1910—11 г.г. начался промышленный под'ем, благоприятная экономическая кон'юнктура во всем мире. Этим под'емом была захвачена и Россия. За пятилетие перед войной армия промышленных рабочих возросла с двух с половиной до двух и трех четвертей миллионов человек. Само собой разумеется, что продукция возросла в гораздо большей степени, чем численность рабочих. Промышленному оживлению способствовал ряд отличных урожаев.

За пятилетие перед войной заметно возросло накопление отечественных капиталов. Правда, роль иностранного капитала осталась решающей. „Из 2.163 предприятий, принадлежавших перед войной в России акционерным обществам, с основным капиталом почти в 4.000 мил. руб., в 327 предприятий был вложен иностранный капитал в размере 1.340 мил. руб., т.-е. в седьмую часть всего числа предприятий в размере третьей части всего основного капитала всех акционерных обществ“... Почти половина иностранного капитала была вложена Фран-

цией и Бельгией, свыше четверти Германией, почти шестая часть Англией." [6]

Все же в годы перед войной удельный вес русского капитализма значительно возрос.

О том, как шло отечественное накопление, можно судить по следующей таблице накопления капиталов в России [7]:

Годы.	Отечественный капитал (в мил. р.).	Заграничный капитал (в мил. р.).
1897—900	111,8	450,7
1901—904	209,4	181,6
1905—908	339,1	370,7
1909—911	913,1	284,0

Не следует поэтому недооценивать роли русского капитализма в затеянной империалистической войне и представлять себе дело таким образом, что наша домашняя буржуазия шла целиком на поводу у иностранцев.

Мы уже видели, каковы причины, заставлявшие русскую промышленность искать внешних рынков. В гораздо большей мере от внешних рынков зависело сельское хозяйство.

В чем же выразился кризис сельского хозяйства?

„Если принять хлебные цены пятилетия 1893—97 г.г. за 100, говорит М. Н. Покровский, на основании данных Ю. Ларина,—мы получим—для пятилетия 1898—1904 г.г.—128, а для восьмилетия 1905—1912 г.г. даже 165."

Рост производства и ввоза сельско-хозяйственных машин в Россию показывает, что капитализация помещичьего хозяйства происходила весьма усиленно. 49% всего хлебного экспорта направлялось в Германию. Между тем, благодаря тарифной политике Германии, проводившейся в интересах прусских юнкеров-аграриев, ввоз русских хлебов в Германию резко падал: с 828.000 тонн в 1904 г. до 555.000 тонн в 1905—08 г.г. и 268.000 тонн в 1912 году. Помимо всего и цены стали падать: цена на пшеницу за 3-х летие 1907—09 г.г. была 118 коп. за пуд и понизилась в период 1911—1913 г.г. до 110 коп., рожь в те же периоды пала в цене до 85 коп. [8].

За 1909—10—13 г.г. из общего количества экспортируемой пшеницы в 258,7 мил. пуд. в Германию было ввезено лишь 56 мил. пуд., ржи из 40 мил. пуд. ввезено было в Германию 23 мил. пуд. и т. д., и только ввоз кормового ячменя и выжимок поощрялся германским правительством [9].

Падение цен и сокращение экспорта хлеба сигнализировали наступление кризиса, ударившего помещичье хозяйство в первую очередь. Ввоз в Англию (14%), Италию (8%), Францию (6%) не имел такого значения для России, как ввоз в Германию.

В 1912 году произошел факт беспримерный. В Россию было ввезено 114 тыс. тонн прусской ржи. Россия стала на путь аграрного протекционизма и ввела пошлину на германскую рожь.

„Основной смысл конфликта — соперничество русского и прусского помещика в борьбе на хлебном рынке было только лишний раз подчеркнуто самым последним из эпизодов, предшествовавших русско-германской войне: введением в России пошлин на германскую рожь. Как ни мелок кажется этот факт, но именно он должен был окончательно убедить более чуткую часть публики, что роковая развязка близится“ [10].

Падение хлебных цен и оскудение крупного землевладельческого и крестьянского хозяйства — главных потребителей фабрично-заводских изделий — должны были немедленно повлечь за собой всеобщий кризис сбыта.

Эпоха промышленного под'ема во всем мире, начавшаяся с 1910 г., а в России с 1911 г., по всем видимостям в течение 1914—16 г.г. должна была закончиться кризисом. В Германии еще с осени 1913 г. промышленность начала испытывать „угнетение“.

В России кризис начался прежде всего в области сельского хозяйства.

Россия и державы Согласия. Военный союз с Францией. Соглашение с Англией.

3. В 1909 году П. Струве в статье „Современное международное положение“ (Русская Мысль, кн. 2-я) писал: „Как великая держава, Россия не может не увеличивать, или, по крайней мере, не поддерживать на прежнем уровне своих вооруженных сил. Ради этого, не говоря уже о внутренних потребностях и хронически неблагоприятном платежном балансе, она должна занимать деньги за границей... Россия должна выбирать между Францией—Англией и Германией. В сущности, выбор уже сделан. Ввести Россию в фарватер германской политики уже невозможно и это противоречило бы жизненным интересам России. Вопрос финансовой, а тем самым политической зависимости решен...“

Вопрос был решен много лет назад. Еще в восьмидесятых годах прошлого столетия началось сближение России с Францией, завершившееся военным союзом между французской республикой и русской монархией.

Собственно говоря, обстановка, заставившая Францию искать сближения с Россией, создалась еще в начале семидесятых годов после поражения Франции в войне с Пруссией. И тогда еще Маркс предсказывал, что франко-прусская война в конце концов приведет к войне между Гогенцоллернами и Романовыми.

„Настоящая война, писал Маркс в письме к Зорге от 1 сентября 1870 г., поведет, чего прусские ослы понять не могут, точно так же к войне между Россией и Германией... И это будет наилучшим следствием теперешней войны по отношению к Германии.“ И дальше: „такая война № 2 сыграет по отношению к неизбежной в России социальной революции роль повивальной бабки“. „А если в России дело дойдет до революции, продолжал Маркс в другом письме, тогда где же будет последняя гарантия для династии Гогенцоллернов.“ [11])

И только теперь, когда сбылись предсказания Маркса о войне, действительно ставшей повивальной бабкой социальной революции в России и приведшей к падению монархии в Германии, можно оценить всю глубину пророчества Маркса.

После франко-прусской войны началось охлаждение между Россией и воссозданной германской империей.

„Железный канцлер“ Бисмарк так оценивал старые традиционные связи между Россией и Пруссией, которую Россия „рассматривала как свой форпост в Европе“: „Крепость старых традиций русско-прусского союза... зависит от настроения каждого нового русского царя.“ [12])

От такого союза необходимо было избавиться.

В 1885 г. Бисмарк принял меры к закрытию немецкого денежного рынка для русского государственного кредита. В 1888 г. русское правительство заключило первый заем в Париже.

В 1891 г. в Кронштадте произошла встреча и братание французского и русского флотов. В следующем году между обоими державами была заключена военная конвенция, а в 1899 г. состоялось и политическое соглашение.

Русский генеральный штаб всецело попал под влияние французского штаба. На основании военного соглашения Россия должна была принять на себя главный удар Германии. В сущности, основой соглашения осталось предложение генерала Пендзека, сводившееся к следующему, как излагает М. Павлович:— Россия должна „отвлечь с французского фронта часть германской армии, достаточную для того, чтобы предоставить французской армии наиболее шансов успеха в решительном бою, которого можно ожидать через 14 дней с начала кампании... Условие будет выполнено, если русские войска начнут насту-

пление не позже 14 дня, при чем для этой операции будет направлено достаточное количество войск с шансами на успех против 6—8 германских корпусов"... [13].

Дружба Франции и России подкреплялась постоянными ссудами парижских банков России. К 1916 г. Франция ссудила царскому правительству до 6-ти миллиардов франков.

Франко-бельгийский капитал в России был поставлен в условия наибольшего благоприятствования, и, как мы видели, половина всех иностранных капиталов, помещенных в русских акционерных обществах, принадлежала французам и бельгийцам.

Англия сблизилась с Россией после того, как союзница Англии — Япония нанесла России удар на Д. Востоке. При заключении Портсмутского мира Англия оказывает России услугу, не допуская, чтобы Япония усилилась за счет контрибуции от России.

С ослабленной Россией, отказавшейся от экспансии в Средней Азии, с Россией—союзницей Франции, Англия в 1907 г. вошла в соглашение.

Англия была заинтересована в экспорте русского хлеба, марганцевой и железной руды, нефти, кожевенного сырья, пушнины и т. д. Англичане поместили свои капиталы в предприятия Урала и Юго-промышленного района.

50% добычи и торговли нефти в России сосредоточилось в руках трех об'единений „Russian General Oil Corporation" „Шель" и „Нобель". Руководящую роль в этих об'единениях играло англо-голландское общество „Рояль—Детч—Шель" и германский „Дейтче банк".

Интересы иностранных капиталистов были одним из важнейших факторов, определявших политику России.

Синдикаты, управление которыми сосредоточивалось в руках иностранных банков, нередко вступали в единоборство с важнейшими русскими государственными ведомствами и министерствами, при чем благодаря нажиму „авторитетных заграничных кругов" победа неизменно оставалась за синдикатами, о чем на с'ездах промышленников говорилось с циничной откровенностью.

Зависимость русской промышленности и царского правительства от финансового капитала Франции, Бельгии и Англии, конкурировавших с германским империализмом на мировой арене, обусловили участие и полусамостоятельную роль России в мировой войне.

Россия и Ближний Восток.

4. Неудача русской политики на Д. Востоке и поражение в русско-японской войне заставили царское правительство уделить главное внимание ближневосточным делам.

Позор, пережитый царским правительством, после русско-японской войны, потрясение, вызванное революционным движением 1905—6 г.г., могли быть заглажены только успешной внешней политикой и твердым курсом внутри страны.

Привлечь буржуазно-помещичьи круги к поддержке самодержавия можно было только решительной политикой на Б. Востоке. Устремление на Б. Восток было, собственно, традиционным для русской дипломатии.

К тому же внимание всего империалистического мира было направлено на Б. Восток. Успехи Германии и Австро-Венгрии на Балканах, в частности, в Турции тревожили Англию, Францию и Россию.

Царские дипломаты, всегда отличавшиеся полной беспринципностью и иезуитизмом, готовы были какими угодно путями и средствами добиться своих целей на Б. Востоке. Еще при Александре III в то же самое время, когда велись переговоры с французами, Россия пыталась заручиться у Германии обещанием, что она сохранит благожелательный нейтралитет и даже окажет моральную и дипломатическую поддержку в том случае, если Россия завладеет Константинополем и проливами.

В 1908 г. министр иностранных дел Извольский пытался опереться в ближне-восточной политике на Австро-Венгрию и обещал, что царское правительство, в благодарность за поддержку русских притязаний на Дарданеллы, признает верховные права Австро-Венгрии на Боснию и Герцоговину, населенные славянами и аннектированные Австрией с согласия России, данного дважды в 1876 и в 1881 г.г.

„Россия возвращается на Балканы, — писал Милюков в книге „Балканский кризис и политика Л. П. Извольского.“ —Кое у кого из русских политических деятелей начинают пробуждаться старые славянские воспоминания и прежние славянские чувства. При открытии ли ими памятника Александру II, при торжестве ли в Плевне, говорятся патриотические речи в старом стиле.“

Россия готовилась принять участие в разделе Турции. Она добилась того, что Англия признала всю северную Персию областью, находящейся в сфере влияния России.

Царское правительство старалось замазать трещину в своих отношениях с Сербией, образовавшуюся в результате политики

Извольского, обещавшего Австро-Венгрии полное признание господства ее над Боснией и Герцеговиной, родственных Сербии. Сербию удалось подкупить обещаниями увеличить ее территорию за счет Австро-Венгрии.

Точно такую же политику вела Россия в Румынии и Болгарии.

Интересы дворянского и помещичьего хозяйства, в особенности на юге России (Кавказ, Украина, Дон, Кубань) обусловливали политику царизма, направленную к захвату Константинополя и Дарданелл, к превращению Черного моря в русское озеро.

Земледелие на юге и юге-востоке России носило резко выраженный товарно-капиталистический характер. Богатые хлебом кавказский, юго-восточный, юго-западный районы вывозили главную часть своих хлебных излишков через черноморские порты.

Дешевизна морских путей была такова, что хлеб для Германии частично отправляли по морю транзитом через голландские порты.

В частности, сахарная промышленность на Украине, дававшая яркий образец спайки интересов промышленников и помещиков, дозрела до такой степени, что нуждалась в обеспеченном вывозе за границу через южные порты.

Горно-заводская и металлургическая промышленность Урала, Донбаса, Кавказа также тяготели к Черному морю, к его портам.

На долю трех районов, расположенных на южных окраинах России, приходилось 45% всего русского вывоза. Морские пути через Босфор и Дарданеллы связывали, пока еще слишком слабо, сельское хозяйство и промышленность, тяготевшие к Черному морю, не только с портами Турции и Балкан, но с портами Италии, Франции, Великобритании.

Босфор и Дарданеллы были в то же время узлом „великих путей будущего", узлом, в котором скрещивались интересы всего мирового империализма. Обладание ключами от Дарданелл и Босфора казалось торжеством русского империализма. И хотя замена „больного человека", Турции, Россиеи не могла отвечать интересам конкурирующих держав, но это представляло для Англии и Франции менее серьезную заковыку, чем задача устранения господства германского империализма в Турции и на Ближнем Востоке вообще.

Главный интерес для России представляла Персия, куда направлялось за пятилетие перед войной 31,6% всего вывоза. Вывоз в страны Ближнего Востока был невелик, но при усилении

КАБИНЕТ

политического влияния России они могли стать более „емкими“ для русских товаров. Не только текстильная, сахарная, резиновая промышленность возлагали большие надежды на расширение вывоза в страны Ближнего Востока, но и русское железо, уголь и нефть могли найти для себя сбыт, в особенности, при условии развития железнодорожного строительства на „великих путях будущего“. Об этом вопило и черносотенное „Новое Время“.

Русский царизм также тяготел к югу, являвшемуся не в пример промышленному северу (в особенности Ленинграду), оплотом националистической реакции, монархизма и черносотенства. Киев, Одесса, Кишинев, Ростов были опорными пунктами черносотенства. Помещик и кулак, господствовавшие в земледельческих районах юга, представляли собой весьма надежный элемент. К югу тяготела и торговая Москва. Юг обещал быть великолепной Вандеей, опорой царизма.

Но тяготение на юг дополнилось влечением на запад — в Галицию, Познань и т. д., где русский буржуазно-помещичий империализм надеялся реализовать немаловажные аграрные интересы, найти источники угля, нефти, соли и т. д. и рынки для сбыта товаров отечественного изделия.

Союз правящих классов России. Рабочее движение накануне войны.

5. Революция 1905 г. окончательно уничтожила все следы раздвоения, разнобоя, существовавшие в среде правящих классов. Либерализм некоторой части промышленной буржуазии испарился бесследно. Если между буржуазией и аграриями пробегала время от времени черная кошка, то во всяком случае рецидивов либерализма среди буржуазии не наблюдалось.

Банковый капитал в России делал свое дело, и в лоне его происходило быстрое сращение интересов торгово-промышленных кругов и крупных землевладельцев. Задолженность частного землевладения и городской недвижимой собственности банкам достигала в 1913 г. 5.300 миллионов руб. (из них свыше $3^1/_2$ миллиардов долга одних земельных собственников).

Судьбы правящих классов были экономически и политически тесно связаны между собой. Однако, интересы банкового и торгово-промышленного капитала все чаще перевешивали интересы феодально-помещичьих групп. Не без основания крайний правый член гос. думы Замысловский, выражавший интересы крепостников, заявлял по поводу Ленских событий: „Здесь огласили заметку из газет о том, что на Ленских приисках все чиновники, полиция... содержатся за счет Ленского товарищества... Возмутительное положение, но ведь оно, г. г.,

создалось не со вчерашнего дня, ведь это положение, установленное самим законом. Не мы, правые, будем защищать насилие капиталистов, напротив, мы считаем совершенно недопустимым, когда власть, высшая правительственная власть, лебезит перед этими капиталистами, когда она хочет создать из них какое-то первенствующее сословие, отодвигая на второй план и дворянство, и духовенство, и крестьянство, протягивая этим сословиям снисходительно два пальца и изгибаясь в то же время перед крупным торгово-промышленным классом. Этого положения мы одобрять не можем (рукоплескания и громкие одобрения справа)" [14].

Таможенная политика правительства ущемляла интересы помещиков-дворян и кулачества, поскольку они были потребителями с.-х. машин и т. д.

Политика металлургических, мукомольных и иных синдикатов приходилась далеко не по вкусу г.г. помещикам.

Однако, империалистическая политика правительства способствовала тесному единению правящих классов. Точно также кризис, наметившийся накануне войны, содействовал сплочению правящих групп в двух отношениях. Кризис помещичьего хозяйства грозил тяжелыми последствиями всей промышленности, он предвещал крупнейшие политические осложнения, страшно сказать—быть может, и революцию. Имущие классы России знали, что главная опасность придет из города, из низов рабочих масс, за ними пойдет крестьянская беднота, рост которой подгоняло столыпинское законодательство.

Начиная с 1912 г., со времени ленских расстрелов, волна политических и экономических стачек поднялась необычайно. В 1912 г. в отчете „Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района" говорилось:

„Последний год в промышленной жизни страны в общем прошел на фоне усиливавшегося агрессивного настроения фабрично-заводских рабочих. Рабочее движение выливалось двумя значительными потоками политических и экономических стачек"... Общее количество бастовавших рабочих в 1912 г. отчет насчитывает—1.062.720 чел. Из общего количества принимали участие в стачках экономических—207.720 чел. и политических—885.000 чел. В 1913 году, по данным № 8 „Бюллетеня", Московского Общества фабрикантов и заводчиков число стачечников увеличилось до 1.185 тыс. человек [15].

Забастовочная волна достигала огромной высоты и в 1914 году. Промышленный под'ем сопровождался под'емом революционных настроений в рабочем классе.

Надвигавшийся кризис в промышленности грозил еще более углубить революционное движение рабочих. Опыт революции 1905 года был слишком свеж.

Царскую власть, в особенности, пугал политический характер стачек, и потому она с такой свирепостью расправлялась с рабочим движением. Этот страх перед движением пролетариата содействовал политическому сплочению буржуазии и аграриев вокруг самодержавия.

Кризис и революцию нужно было предотвратить пока не поздно. Буржуазно-помещичья Россия и царская власть испытывали благодаря хозяйственному под'ему и благоприятному бюджетному балансу прилив сил.

На смену периоду „бури и натиска", под'ема в промышленности надвигался кризис, а за ним, быть может, и революция. Без разрешения проблемы внешних рынков капиталистическая промышленность и сельское хозяйство России входили в тупик. Выходом из положения могла явиться империалистическая война. Период расцвета, который переживала Россия накануне войны, „будил не только дух коммерческой предприимчивости, но и дух военной отваги".

Царская Россия должна была выбирать между революцией и войной, войной, которая, раньше или позже, должна была разразиться в Европе.

И царское правительство выбрало войну.

Подготовка России к войне. Об'явление войны.

6. Из дневника Куропаткина видно, что корни империалистической войны уходят очень глубоко. Об этом же свидетельствует в „Воспоминаниях" генерал Лукомский. Царь Николай Александрович, „мечтавший о Тибете", в то же время формулировал задачи русской политики в разговоре с Куропаткиным такими словами: „будучи бдительными на Востоке, обратить главное внимание на Запад". Это знаменовало крупный поворот, происшедший в жизни и политике царской России.

„В 1914 году война пришла несколько рано. Франция и Россия в смысле военной подготовки не достигли еще того, чего они достигли бы через два года. С точки зрения тройственного согласия, желательный момент для начала войны был 1916",—писал граф Ревентлов в памфлете, вышедшем уже во время войны.

„Нападение на Германию и Австрию было решено между французскими и русскими властями на первую половину 1916 г. Мы были об этом осведомлены... Сейчас французская армия не имела еще тяжелой полевой артиллерии, но до 1916 года

она имела бы ее... В действительности у нас (у Германии) был выбор не между войной и миром, а между войной сегодня и войной через год или два, с той только разницей, что тогда эта война стала бы несравненно опаснее для нас",—писал Пауль Рорбах [16]).

И это можно считать вполне вероятным. Из дневника ген. Куропаткина видно, что еще в 1902 году ставился фактически вопрос о Западном фронте против Германии и Австро-Венгрии. Интересно то, что накануне войны с Японией, Куропаткин был так увлечен своей будущей ролью на Западном фронте, что во время поездки в 1903 г. во Владивосток разрабатывал планы взятия Львова и Перемышля.

Война с Японией достаточно четко выявила неслаженность, отсталость в организации русской армии и недостаток технических средств. М. Павлович в книге „Милитаризм и маринизм" дает яркую картину того джинго, воинственных выкриков и бряцания оружием, которые господствовали накануне войны. На ряду с этим шла усиленная подготовка России к войне. С 1907 по 1913 г., включительно, Россия израсходовала на военные нужды 4 миллиарда руб.

„Военный бюджет России в наступающем 1914 году достигает колоссальной цифры почти в миллиард. Такаго бюджета не имеет ни одно государство в мире", восклицало „Утро России" 6-го января 1914 г. Главный редактор „Матен" Стефан Лозанн приветствовал увеличение русской армии, которая на 1-е января 1913 года имела на мирном положении 1.385 тыс. чел., „цифра не имеющая, как говорил Лозанн, прецедента в военной истории".

Непомерный рост расходов и долгов царской России, вызванных подготовкой к войне, признавал в свое время и министр финансов В. Коковцев.

В 1907 году правительство приступило к организации и заготовке неприкосновенных запасов военного снаряжения и снарядов, к созданию мощной артиллерии, авиации и т. д. Программа заказов, должна была осуществиться к 1915 году, как свидетельствует ген. Лукомский.

Но все же в военно-техническом отношении подготовка стояла очень низко. Особенно неблагополучной оказалась деятельность ведомства вел. князя Сергея Михайловича, фактического начальника Главного Арт. Управления. Это неблагополучное состояние дел в Гл. Арт. Управлении было отмечено гос. думой третьего созыва, указавшей, что „состояние

материальной части артиллерийского управления... составляет серьезную опасность для государственной обороны".

Россия вступила в войну, имея по 850 выстрелов на орудие, что составляло около трети той нормы, которая была принята на Западе.

Как содействовали синдикаты в России делу организации обороны, можно судить на основании заявлений „Утра России", органа Рябушинского, прямо обвинявшего в 1916 году Продамету в преступном срыве обороны страны и пособничестве австро-германцам. В таком же роде была деятельность других синдикатов. Правление Путиловских заводов входило в интернациональный синдикат „Крупп-Скода и Шнейдер-Крезо". „Господа Путиловы и К° в тесном содружестве с немецкими, австрийскими и иной национальности фирмами орудовали на всемирном рынке военного снабжения, выдавая военные секреты противникам и поставляя им те же материалы, из которых вырабатывались орудия и снаряды, впоследствии уничтожавшие русских солдат во славу патриотического капитала" [17].

Летом 1914 года началась пробная мобилизация русской армии. Эта пробная мобилизация продолжалась вплоть до об'явления войны.

Приезд Пуанкаре в Петербург и политические события в столице властно диктовали царскому правительству необходимость решительных действий в области внешней политики. Николай еще колебался, рассказывает французский посол в России Палеолог, ибо не было гарантии, что Англия примет участие в войне. Но Николая сумели убедить.

Баррикады на улицах Питера говорили за то, что никаких колебаний быть не должно.

Война 1914 г., ее последствия. Классовая борьба в период войны.

Праздник на улице буржуазии и помещиков. Военные сверхприбыли. Как помещики разрешали рабочий вопрос. Налоговая политика правительства.

1. Господствующие классы России вошли в войну, исполненные радужных перспектив, блестящих надежд. Самодержавие мечтало дать реванш за все прежние внутренние и внешние поражения, помещики и буржуазия надеялись подчинить новые рынки и твердой ногой стать на великих мировых путях торговли, путем военного насилия подчинить себе ускользавшие рынки. Буржуазия сверх всего надеялась во время войны потихоньку прибрать к рукам и по мере надобности перекроить аппарат самодержавно-бюрократической власти, не сомневаясь в том, что во время войны зависимость правительства от финансово-промышленных кругов станет более значительной.

И наконец, правящие классы видели в войне великолепный способ единовременной экспроприации народных масс в собственной стране, отличное средство одним махом перераспределить народные богатства, наживая не „мирную“ копеечку на рубль, а „бешеные деньги“, как это бывает обычно в условиях войны. Самодержавие военными заказами всегда энергично поддерживало отечественную индустрию, но то, что сулила „хорошая европейская война“, превосходило все привычные масштабы.

Территориальные приобретения, пока суд да дело, существовали еще только на бумаге, тем более что по центральному вопросу—о проливах и путях в Переднюю Азию—не было еще согласия между союзниками, которые не особенно мирились с мыслью о преобладании России в важнейших узловых пунктах на этих путях.

Война была делом сегодняшнего дня, и в ней в первую очередь буржуазия и помещики могли реализовать свои ближайшие экономические и политические цели и планы.

„Ненасытная жажда накопления,—говорит Роза Люксембург,—по своему существу живет кон'юнктурами и не в состоянии подумать о завтрашнем дне".

Буржуазные публицисты и ученые говорили, что война для России будет легка и даже полезна. Проф. Мигулин в „Новом Экономисте", вышедшем в начале войны, писал: „Экономическое положение России сравнительно с Германией и Австрией несравненно выгоднее. Нельзя, конечно, утверждать, что столь грандиозная война не вызовет и у нас экономического потрясения, но сравнительно оно не может оказаться чрезмерным и грозящим промышленным и финансовым банкротством. Обрабатывающая промышленность наша работает исключительно на внутренний рынок, и закрытие для нее рынков внешних не окажет никакого влияния: напротив, сокращение иностранного привоза создаст повышенный спрос на продукты туземной индустрии, и, следовательно, она получит толчок к дальнейшему развитию"[18]). Проф. Мигулин развивал далее мысль о том, что на сельском хозяйстве нашем война не может особенно неблагоприятно отразиться. Он рассуждал следующим образом. Строение русского сельского хозяйства крайне низко, оно держится главным образом на живой рабочей силе, а не на основном капитале. Рабочих рук хватит вдоволь, и потому крестьянское хозяйство восстановится очень быстро.

Отсутствие сбыта за границу продуктов сельского хозяйства приведет к удешевлению их, что будет на руку промышленности, т.-е. капиталистам.

Подобные же мысли развивал Туган-Барановский. „Поскольку дело идет о нашем народном хозяйстве,—писал он,—мы можем вести войну годами". В сборнике „Вопросы мировой войны" указывалось на то, что многие отрасли промышленности, которые, вследствие установившегося в мировом хозяйстве разделения труда, не были совершенно развиты в России или находились на низком уровне, разовьются во время войны в силу необходимости, и это послужит толчком к их дальнейшему процветанию.

Как мы знаем, канун войны сопровождались усиленным под'емом рабочего движения, борьбой за повышение заработной платы. Война открывала возможность неограниченной эксплоатации труда. Интересы капитала сделались высшими

интересами „самозащищающейся“ нации, и преступление против них считалось изменой отечеству.

Непомерная дороговизна быстро сводила низкую заработную плату рабочих к ничтожному уровню. Фабрикант, освобождавший рабочего от мобилизации в армию, выступал не только в роли его кормильца и поильца, но и жизнедавца. Права „работать на оборону“ буржуазные сынки добивались с помощью взяток. При таком условии рабочий должен был чувствовать себя счастливым, если его не посылали на фронт, и не смел тем паче требовать прибавки. Впрочем, если рабочие хотели сменить фабрику на казарму и фронт, то это не всегда им удавалось.

На I С'езде военно-промышленных комитетов решено было „ходатайствовать об отмене на время войны всех ограничений, предусмотренных уставом о промышленности в отношении применения в промышленных предприятиях труда женщин и подростков, насколько сие не будет губительно для их здоровья, а также об отмене на время войны действующих ограничений в отношении сверхурочных работ“. Решение требовало, в сущности, лишь официального признания того, что уже проводилось во многих предприятиях. Чего более, в шахтах Донбаса эксплоатировался труд детей и даже девочек.

Труд солдат, работавших на предприятиях, совершенно не оплачивался. Широко практиковалось применение желтого труда и труда военнопленных.

Военно-промышленные комитеты прибрали к рукам все государственные заказы и распределяли их между собой. И если сначала военные заказы распределялись между промышленниками за взятки, о чем открыто говорили в государственной думе, то впоследствии органы военно-промышленных комитетов внесли в это дело „планомерность“.

Бессильное правительство, оказавшись не в состоянии справиться с делом мобилизации промышленности, сдалось на капитуляцию предпринимателям. И если на Западе государство сумело организовать класс капиталистов и аграриев в единое целое, то в России правительственная власть, будучи не в силах ввести стихию групповых интересов в рамки коллективного эгоизма, регулируемого государством, установила для фабрикантов, помещиков и бюрократов нечто в роде системы „кормления“, предоставив капиталистам полную свободу хозяйничанья в области промышленности, землевладельцам в области „регулирования“ труда в сельском хозяйстве и хлебной

торговли, губернаторам во всех областях государственной и хозяйственной жизни.

В „Известиях Главного Комитета по снабжению армии, № 4“ некий Устинов писал: „военно-промышленные комитеты оказали не только содействие, но даже весьма серьезное воздействие в другом отношении—в цене заготовления, в увеличении расхода казны на государственную оборону“.

И действительно, мобилизация промышленности, перешедшая в руки представителей „общественной самодеятельности“, знаменуется не только под'емом в деле организации обороны и снабжения армии, подоспевших, кстати сказать, уже тогда, когда усталость от войны, разочарование и упадок боеспособности армии достигли критического момента, но и еще бо́льшим ростом прибылей.

О прибылях, полученных за время войны предпринимателями, можно судить по следующим примерам. В „Вестнике Финансов“ В. Шарый приводит следующие данные: [19]).

Для 8 металлургических предприятий в тыс. руб.

Годы.	Акц. капит.	Запасный и погаш.	Валовая прибыль.	%% валов. прибыли на основн. капитал.	Дивид.	% дивид.
1913	89,900	74,777	23,222	25,8	10,521	11,7
1914	95,100	85,717	26,358	21,7	10,693	11,2
1915	95,100	98,263	26,600	30,1	10,254	10,8
1916	97,100	109,732	48,589	50,0	12,712	13,1

Для 7 металлообрабатывающих предприятий.

1913	18,990	8,677	2,572	13,5	1,346	7,1
1914	19,910	9,279	4,291	21,5	1,798	9,0
1915	21,060	10,691	10,143	48,2	4,542	21,6
1916	25,760	17,281	20,889	81,1	6,253	25,4

Анализ этих цифр указывает на весьма быстрый рост акционерных капиталов, прибылей и дивидендов. Тайны черной и белой магии были хорошо известны предпринимателям. Официальные отчеты, благодаря списываниям крупных сумм в погашение и т. д. выглядели очень мирно.

Солидно округлили свои капитали банки: так, 53 частных коммерческих банка за 10 месяцев в 1916 году получили 102,589,000 руб. чистой прибыли, что превысило прибыль предыдущего года на 54 миллиона руб., на 35%.

Азовско-Донской банк, например, при основном капитале в 60 миллионов рублей, получил чистой прибыли 20 миллионов рублей, т.-е. 33%. Акционерное общество Айваз при основном

капитале в 4 милл. рубей получило прибыли $4^1/_2$ миллиона. Капиталистам не было основания отказываться от проповеди „жюскобутизма“, войны до победного конца.

Царское правительство со своей стороны оказывало всяческую помощь промышленности. Министр финансов П. Л. Барк еще 18 августа 1915 г. докладывал государственной думе, что из суммы 1,5 миллиард. руб., занятых за границей в первый год войны, 500 милл. франков или около 200 милл. руб. были предоставлены для ликвидации долгов кредитных и торгово-промышленных учреждений. „То же самое,—говорил Барк,—было сделано в Англии, где для подобных же целей было выдано 100 милл. руб. Таким образом, наши союзники пришли на помощь не только правительству, но и стране“.

Правда, впоследствии государственный банк стал, наоборот, субсидировать государственное казначейство из сумм, образованных частными вкладами.

За время войны шел усиленный процесс централизации капиталов, проводимой банками.

В 1916 году, например, под председательством Э. Л. Нобеля состоялось годичное собрание акционеров и пайщиков товарищества „Братья Нобель“. Все паи и акции, в сумме на 33,882000 руб., распределялись между крупнейшими банками: Азовско-Донским, Русским Торгово-Промышленным, Ленинградским Международным, Русско-Азиатским, Волжско-Камским и т. д.

Процесс слияния и централизации банков за время войны шел безостановочно. Приблизились, было, почти к концу переговоры о создании „общности интересов“ между 4 крупнейшими коммерческими банками в Петрограде. Роль собирателей банков земли русской играли иностранные финансисты. Создание такого могущественного концерна крупных банков означало бы полное торжество финансового капитала в России [20]).

Как видим, расчет капиталистов на могучую аккумуляцию капиталов оправдывался.

Оправдались также и надежды землевладельцев на то, что закрытие внешних рынков не отразится губительно на их доходах. Сокращение посевной площади, рост армии и увеличение населения в городах сделали свое дело.

В начале войны князь Д. Шаховский высказал опасение, что изоляция России вследствие войны отразится неблагоприятно на доходности сельского хозяйства, но рост цен на предметы продовольствия действовал на землевладельцев бальзамически.

По данным, относящимся к Москве, цены на продовольствие за период с 1913 г.—1915 г. изменялись в среднем на главные предметы продовольствия следующим образом: если принять цены 1913 г. за 100, то в 1914 они поднялись до 120,6, в 1915 до 186,0.

Проповедники бесконечной войны все же оказались неправы утверждая, что оскудение рабочих рук в деревне не может стать слишком чувствительным. И землевладельцы первые этот недостаток рабочих рук ощутили. Восполнить недостаток рук не могло применение труда военнопленных и желтых рабочих.

Губернаторы, располагавшие расширенным правом усмотрения, приступили к осуществлению „трудовой повинности", при чем повинность эта приводилась в жизнь методами чисто крепостническими.

Вот, что писал об этом Л. Клейнборт [21]):

„В Волынском губернском земском собрании губернский предводитель дворянства предложил составлять принудительные рабочие дружины из безземельных крестьян и мещан, малоземельных крестьян и лиц, которые уже закончили свои срочные работы. Волостным правлениям, видите ли, известны эти лица, вот они и дадут о них сведения. Если же не привлечь принудительным порядком этих рабочих, то они или вовсе не пойдут, или заломят по 3—4 рубля в день".

„Согласно обязательному постановлению, населению Минского военного округа, а именно, лицам обоего пола, свободным ко дню опубликования постановления от работ, в возрасте от 15 до 50 лет, вменялось в обязанность немедленно же или же по окончании уборки хлебов, трав и иных полевых произрастаний собственных, поступать на сельско-хозяйственные работы к находящимся в пределах губернии владельцам земель, арендаторам последних, для уборки урожая хлебов и трав, не уклоняясь от этих работ под различными предлогами, в том числе путем поступления на иные не сельско-хозяйственные работы".

„В Верейском, Волоколамском, Можайском и Рузском уездах по распоряжению московского губернатора введена принудительная уборка урожая, к коей привлечено прежде всего сельское население, в случае же надобности привлекается к уборке и городское население"...

Акмолинский губернатор Кошура-Масальский заявил „на основании" циркуляра М-ва земледелия (циркуляр гласил о том, что для привлечения беженцев к полевым работам надлежит даже за трудоспособными беженцами сохранять „причитающееся от казны воспособление"), что беженцы, работающие на

поле, будут получать только заработную плату; те же из беженцев, которые уклоняются от работ, будут лишены беженского пайка вовсе. Предложили лишать пайка беженцев, не идущих на полевые работы, пензенский и тамбовский губернаторы. Под страхом репрессий были циркулярно привлечены к работе беженцы и прочее население в губернаторствах Курском, Нижегородском и др.

Плата устанавливалась беженцам крайне низкая, в Московской губернии поденно мужчине—2 руб. на хозяйских харчах, женщинам и подросткам—1 руб. на хозяйских харчах и т .д. Лебедянским комитетом была установлена поденная плата мужчинам—60 коп., месячная—8 руб., для женщин поденная — —30 коп., месячная — 4 руб., но тут же в порядке охраны труда выступил губернатор, нашедший, что плата слишком низкая.

Неудивительно поэтому, что когда на 4-й сессии государственной думы разбирался вопрос о том, кому должно принадлежать „попечение о беженцах", представитель министерства внутренних дел яро настаивал на предложении о передаче его губернаторам.

Введение трудовой повинности губернаторами приводило к тому, что на следующий день после таких распоряжений население деревень запасалось паспортами и покидало деревню, при чем отход, по сообщениям „Речи", например, принимал серьезные размеры.

Прав был член государственной думы Шингарев, когда говорил в 1916 г. на 5-й сессии гос. думы: „С неотразимой железной логикой мы вводимся в тот военный социализм, который залил Германию снизу до верху, без остатка, который ввел в Германии трудовую повинность"...

Что немцу здорово, то русскому смерть!

Война требовала затраты огромных средств, и правительство приступило к введению подоходного налога. Еще в 1905 г. возник вопрос о нем. В 1907 г. был внесен в государственную думу проект подоходного налога, но он до 1915 г. оставался под спудом, и, наконец, на 4 сессии был внесен министром финансов П. Л. Барком.

О взимании налогов проф. М. Фридман писал в статье „Война и государственное хозяйство России" [22]).

„Совершенно ясно, что в такой бедной стране, как Россия, еще далеко не пришло то время, когда, по примеру хотя бы Англии, станет возможным сосредоточить центр тяжести обложения на действительно имущих классах народа"... И далее:

„Перераспределение налогового бремени в смысле более сильного обложения состоятельных классов и обложения податной ноши малоимущих неосуществимо в сколько-нибудь серьезных размерах".

Проф. Фридман посему полагал, что „приходится мириться с тем, что известная и при том значительная часть оставшегося у населения миллиарда (речь идет о водочном доходе Д. К.) возвратится обратно в государственное казначейство иными путями".

Налог на народную трезвость был вещью вполне неизбежной при вводившейся налоговой системе.

Член государственной думы Востротин охарактеризовал ее, как систему широкого обложения предметов массового потребления и необложения предметов роскоши.

В финансовой комиссии при обсуждении подоходного налога делались предложения определить экзистенц-минимум в 300 руб. в год. Член государственной думы Бубликов в речи своей II/VIII 1915 г. так характеризовал подоходный налог: „...если вы вглядитесь, то увидите, что польготчены самые сильные, доходные предприятия и взамен их сравнительно сильным налогом обложены предприятия нищие" [23] — „Мы нефундированные доходы, доходы невечные, необеспеченные, обложили сильнее, чем доходы, обеспеченные имуществом и капиталом" (Бубликов целился в огород землевладельцев и брал под защиту „необеспеченные" „непостоянные", военные доходы промышленников, торговцев и спекулянтов).

Крупное землевладение, по отношению к которому по проекту подоходного налога допускалось списывание 15% на мелиорацию, говорил деп. Скобелев в государственной думе, забронировывалось от налогов довольно основательно, тем более, что делалось послабление владельцам лесных угодий, а „статья 23 совершенно изымала из обложения все помещичьи латифундии, если они имеют назначение удовлетворять прихоть г.г. землевладельцев, если они служат для удовлетворения их потребностей в роскоши". „Робкое возрастание прогрессии в обложении высоких доходов и полное прекращение прогрессии, начиная с доходов в 100 тыс. рублей".

Проект подоходного налога был одним из депутатов государственной думы назван „землевладельческим", но это было неточно, ибо закон отвечал интересам крупнейших капиталистов и аграриев. „Слезница" князя Святополк-Мирского во время обсуждения проекта об'яснялась тем, что русское дворянство, поместное землевладение было совершенно развращены налоговой политикой царского правительства.

Насколько искренен был плач помещиков на вавилонских реках государственной думы, можно судить по следующему. Задолженность владельцев земель, недвижимой собственности можно определить в 6 миллиардов рублей. Если принять, что к 1916 г. падение курса рубля произошло приблизительно вдвое, то владельцы земли и недвижимой собственности выигрывали на этом около 3 миллиардов рублей [24]).

Правительство, нуждаясь в средствах для ведения войны, шло по пути наименьшего сопротивления и выпускало бумажные деньги. К концу 1916 г. сумма выпущенных бумажных денег достигла 9,1 миллиарда рублей с 3 миллиардов к 1915 г.

Война и народное хозяйство. Дезорганиз. промышленности и сельского хозяйства.

2. Война, потребовавшая мобилизации всего народного хозяйства в России, поставила перед страной совершенно непосильные задачи.

В первые годы войны в производстве на поверхностный взгляд произошли незначительные перемены. До конца 1916 г. жизнеощущение предпринимателей и землевладельцев было превосходное. Цены повышались, прибыль и рента росли. Валовая общая численность рабочих изменилась очень мало. Мелкая промышленность почувствовала известный прилив сил. Но все это было достигнуто ценой того, что производство было поставлено на голову. Фиктивный капитал возрос, но условия воспроизводства были резко нарушены.

Производитель, идя в армию, стал только потребителем, причем потребителем с более высоким уровнем потребностей, чем в обычное время. Солдат-крестьянин на фронте потреблял больше, чем обычно у себя дома. Новый производитель, занявший места ушедших в армию, был вдвое худшим производителем в сравнении с тем, кого он заменил. Производство средств производства превратилось в производство средств разрушения. Война привела к разрушению основного капитала, к распылению, уничтожению и деквалификации рабочей силы.

По вычислениям С. Прокоповича, за $3^1/_2$ г. военные расходы достигли 5,5 миллиарда рублей в то время, как годовой народный доход России составлял около 16,4 миллиарда. За время войны до 1917 г. внешний долг России возрос на 23,3 миллиарда зол. руб. [25])

Война привела к мобилизации 40% по преимуществу квалифицированных рабочих. Когда правительство опомнилось, началось возвращение рабочих из армии, но оно носило не общий, а частичный и случайный характер. Кадр рабочих в значительной мере состоял из женщин и ввезенных желтых рабочих—китайцев, корейцев, персов и т. д.

Эвакуация промышленных западных губерний, „военизация“ промышленности привели к разрушениям, которые уже во время войны дали себя почувствовать.

В копях Донбаса число рабочих на 3-м году войны возросло на 45% в сравнении с довоенным временем, но вместе с тем производительность пала на 24,3%. В экономическом совещании гос. совета министр князь Шаховской указал, что в то время, как цены на уголь поднялись почти на 100%, заработная плата повысилась на 0,5% (Русские Ведомости, 26 марта 1915 г. № 68). Падение добычи угля в Донбасе обнаружилось в 1917 г.—со 140,2 мил. пудов добыча пала к июлю—октябрю 1917 г. до 112,8 м. п. Владельцы каменноугольных копей искусственно сокращали добычу с целью вздувания цен. Синдикаты платили многим копевладельцам премию за неразработку пластов.

Кризис топливный сопровождался острым кризисом сырьевым. До начала революции выплавка чугуна с 16,2 мил. пуд. сократилась до 14,5 мил. пуд. Из 177 доменных печей полным ходом работало 69, сокращенным—44, остальные были приостановлены.

Все сырье поглощалось на военные нужды. В 1916 г. за полгода всего было израсходовано 2.432 тыс. пудов металла, из них 2.121 тыс. на военные нужды.

Производство подвижного состава, сельско-хозяйственных машин пало крайне низко и пришло в полный упадок.

Война дезорганизовала промышленность. Так например, в Московском районе все ремонтные мастерские и металлургические предприятия, игравшие, главным образом, подсобную роль, были загружены военными заказами, вследствие чего ремонт машин почти прекратился.

Разруха транспорта, введение грузового налога, вызывавшего самые серьезные нарекания в госуд. думе и в печати, эвакуация промышленных районов и неумелая, нелепая политика правительства подготовили дальнейший развал промышленности, давший себя почувствовать во всей полноте в период революции.

Прекращение экспорта и импорта в период войны также отразилось на производстве крайне вредно. „В 3-й год войны,—говорит С. Прокопович,—наш вывоз по своей ценности составлял приблизительно четвертую часть прежнего вывоза... Вывоз сырья и полуфабрикатов упал наполовину. Больше всего пострадала главная группа вывозимых нами товаров—жизненные припасы, их вывоз упал в 7—8 раз“.

Ввоз всех машин из-за границы покрывал 58% потребности до войны, ввоз оборудования и средств производства для промышленности и технического хозяйства покрывал 37% всей потребности. И Россия в период войны лишилась этого почти целиком, так как импорт в период войны шел почти исключительно на военные нужды.

Сельское хозяйство испытало сильную встряску. Война вызвала довольно значительный недостаток рабочих рук, особенно в районах, работавших на вывоз и всегда нуждавшихся в пришлом труде. К 1917 г. в армию по расчетам мобилизационного отдела было призвано 15 милл. человек и взято 2,1 милл. лошадей.

24 ноября 1916 г. А. И. Шингарев говорил в государственной думе: „Величайшая неподготовленность страны сказывается сейчас. В армию дали около 20 пудов хлеба на едока в год, а страна его потребляла $1^1/_2$ пуда, в армию 52 фунта масла, а страна мирилась с 5-ти фунтовым расходом масла".

Таким образом, и к сельскому хозяйству война пред'явила непомерные требования.

Буржуазные публицисты очень часто подчеркивали, что за время войны достаток всего сельского населения увеличился, благодаря запрещению продажи водки, вздорожанию продуктов сельского хозяйства, выдаче пайков семьям солдат и т. д. Это глубоко неверно. Вздорожание продуктов оказалось выгодным лишь для помещиков и кулаков, для торговцев, скупивших, например, в начале войны хлебные запасы у „маломочного" крестьянства по дешевой цене. Обогащение деревни носило призрачный характер, так как падение курса рубля аннулировало стоимость денег, накоплявшихся в деревне.

Свои доходы крестьянство не могло производительно затрачивать, так как цены на орудия сельского хозяйства, на машины, металл, нефть, керосин и т. д. делали эти товары совершенно недоступными для деревни.

На „трезвости" выиграло правительство.

Мобилизация мужчин лишала центральные губернии тех заработков, которые мужчины получали благодаря отхожим промыслам.

Площадь посевов подвергалась большому сокращению, главным образом, в губерниях производящих. В Новороссийской г., например, площадь посева сократилась на 8,5%, в Юго-Восточных на 18,5%, нижневолжских на 40%, предкавказских на 21% [26].

Буржуазные экономисты вроде Тугана-Барановского забывали, что при низком техническом уровне сельского хозяйства привести его в упадок гораздо легче, чем восстановить.

Продовольственный вопрос.

3. Бессилие, внутренний распад, полное отсутствие какой бы то ни было самостоятельной политики правительства ни в чем не обнаружились так ярко, как в продовольственном вопросе, если не считать, разумеется, что шатание, плаванье по воле волн административного творчества, губернаторского усмотрения и помещичьего произвола, дергание и метание из стороны в сторону, правда, исключительно в границах интересов имущих классов, могли считаться политикой правительства страны, ведущей небывалонапряженную войну.

В 1913 г. в России был рекордный урожай—около 5 миллиардов пудов, в 1914 г. 4.191.000 пуд. зерн. хлеба, так что запасы хлеба были значительны.

Министерство Земледелия приступило к закупке хлеба для армии через аппарат уполномоченных („Хлебармия").

Беспорядок в продовольственном деле наступил очень быстро. 17 февраля 1915 г. уполномоченным было предоставлено право реквизиций и наложения запрета на вывоз хлеба из одной губернии в другую—мера, допускавшая полный произвол и спекуляцию административных лиц, помещиков и хлебных спекулянтов. Главная масса закупок производилась у торговцев хлебом. Аппарат хлебной торговли, кооперация и т. д. не были использованы.

В 1915 г. закупка хлеба производилась по вольным ценам. Позже особое совещание по продовольствию при министерстве ввело твердые цены.

Не следует думать, что твердые цены очень ущемили интересы помещиков. Особым совещанием устанавливались гораздо более высокие цены, чем предлагали местные совещания, где сидели помещики и чиновники. Это отметил в государственной думе депутат от Войска Донского Воронков.

Министр земледелия Наумов с целью хоть как-нибудь урегулировать хлебный вопрос, который в 1916 г. уже давал себя остро чувствовать, решил приступить к проведению учета продовольственных запасов, переписи населения. Но скоро был удален, как сторонник действительно твердых цен и заменен ставленником помещиков и сахарозаводчиков гр. Бобринским.

При министре Бобринском положение дел с хлебными закупками ухудшилось, так как помещики и кулаки ожидали повышения твердых цен, вокруг которых шла в Особом Совещании

яростная борьба. И действительно при Бобринском твердые цены повысились на 30%, а на лучшие сорта муки твердые цены были совсем отменены.

Несмотря на то, что урожай 1916 г. достигал приблизительно 3.768.000.000 пуд., т.-е. был не слишком плохим урожаем, осенью и наступившей зимой продовольственный кризис был уже налицо.

Армия в 1916 г. поглощала около 40—50% всего продажного хлеба. Хлебный наряд для армии на 1916 год был рассчитан в 600 милл. пудов хлеба.

В 1916—1917 операционном году была уже введена в действие хлебная повинность — разверстка. Она была принята в 21 губернии, но вместо предположенных 500 с лишним миллионов, она дала только 170 милл. пудов [27]).

В городах начались продовольственные волнения, предвещавшие близость серьезных потрясений.

Роль России в войне. Военные поражения. Гос. дума и вопросы обороны.

4. Война 1914 г. началась в условиях, политически крайне неблагоприятных для царского правительства. Рабочий класс, переходивший уже, было, к баррикадным боям с самодержавием и буржуазией, принужден был отступить в условиях начинавшейся империалистической войны. Правительство произвело мобилизацию рабочих для того, чтобы физически распылить и политически задушить революционное движение. Мобилизованных рабочих провожали на сборные пункты нередко с красными флагами и революционными песнями. Крестьяне выражали недовольство, иногда выливавшееся в серьезные беспорядки (на Волге, в Сибири, в Барнауле).

Среди мобилизованных наблюдались случаи брожения и нарушения дисциплины.

Но все же мобилизация была проведена. Первые успехи на фронте несколько усилили позицию власти. Патриотические манифестации, организуемые полицией и черносотенцами, были устроены с целью вызвать под'ем среди населения.

Патриотическому настроению поддались городское мещанство и интеллигенция. Рабочие и крестьяне были настроены равнодушно и даже враждебно. В общем, масса населения отнеслась к войне недоверчиво и выжидательно.

В войне 1914 г. Россия не могла играть вполне самостоятельной роли, тем более, что военным соглашением с союзниками на русскую армию возлагалась подсобная роль. Россия, выполняя договор с Францией, отвлекла удар германо-австрийской армии на себя.

Неподготовленность России к ведению продолжительной и тяжелой войны обнаружилось уже в период первого наступления.

Недостаток оружия, снарядов, амуниции и довольствия сказались немедленно. Презрение и ненависть к правительству и офицерам распространились среди солдат, плохо снабжаемых, шедших в наступление нередко без оружия, с никуда негодными винтовками в руках.

Признаки разложения в армии обнаружились очень скоро. 13 ноября 1914 г. Сухомлинов писал Янушкевичу:

„Заявления о бродячих командах в тылу армии все поступают. На-днях вернулся из действующей армии ген. Болотов. Он подтвердил мне, что лично наблюдал мародерство и что людей, отбившихся от своих частей, такая масса, что в тылу, к ближайшим армиям, из них можно формировать крупные разбойничьи банды“ [28].

Обращение России к союзникам за военно-технической помощью встретило решительный отказ. Царское правительство, выйдя на охоту, только начало кормить собак. Мобилизационного плана промышленности не было. Пришлось делать заказы за границей и переводить ряд заводов на оборонную работу.

По вычислениям А. Маниковского (бывшего Нач. Главного Артиллерийского Управления во время войны), для полного снабжения армии в течение войны необходимо было 17.700 тыс. винтовок, между тем русская армия за все время войны располагала всего около 8 миллионов винтовок, при чем значительная часть из них была устарелого образца [29]. Часть устарелых винтовок Россия получила от союзников.

Нормы действительного расходования снарядов, патронов, винтовок, снаряжения на войне превысили все прежние расчеты.

Вследствие неподготовленности русской армии, сильнейшие военные поражения начались очень скоро.

Вторая армия ген. Самсонова была разгромлена переброшенными с западного фронта германскими войсками, наступавшими на Париж. За поражением на северо-западном фронте последовало отступление в Галиции. В мае и июне 1915 г. были оставлены Перемышль и Львов. Германская и австрийская армия энергично наступали.

Польша, Литва и часть Прибалтики были отрезаны. Опасность для России стала непосредственной.

При военном министерстве было образовано Особое Совещание по обороне, куда входили и представители государствен-

ной думы. Правительство под влиянием неудач разрешило, наконец, организациям землевладельцев и буржуазии, в лице земского и городского союза и военно-промышленных комитетов, принять участие в деле обороны страны. Но вместе с тем союзы были взяты под подозрение. Их обвиняли в том, что они ведут в армии политическую пропаганду, направляемую „некоторыми деятелями государственной думы".

Началась кампания государственной думы против военного министра Сухомлинова. Его называли виновником военных неудач, плохого снабжения армии и подозревали даже в измене. Произошла казнь бывшего жандармского полковника шпиона Мясоедова, стоявшего близко к Сухомлинову.

Правительство принуждено было пойти на уступки общественному мнению. В июле 1915 г. Сухомлинов был предан суду.

Открывшаяся сессия государственной думы повела обстрел против неугодных лиц в министерстве и выдвинула требование ответственного министерства.

С'езды городских и земских союзов поддерживали лозунги, выдвинутые государственной думой.

Политический под'ем, начавшийся в стране, испугал правительство, тем более, что протест против политики царского правительства захватил и ряды националистов.

Изоляция самодержавия и бюрократии от цензовых элементов наметилась вполне определенно. Государственная дума требовала гарантий, что оборона страны и дело продолжения войны будут обеспечены. Керенский в думе напоминал слова, сказанные Питтом[30]) в 1803 г.: „Народ не может сопротивляться опасности, свойства и размеры которой ему неизвестны".

В свое время, а именно, в январе 1915 г. государственная дума пыталась келейно уладить с правительством все недоразумения, но безуспешно. Сухомлинов так писал об этом Янушкевичу: „Вчера (25 января) вечером весь состав кабинета присутствовал на закрытом заседании государственной думы, в котором порядочно было излито грязи г.г. членами всех мастей, при чем нам было об'яснено, что это необходимо для того, дабы в открытом заседании не было никаких неподходящих разговоров".

Созданный в государственной думе прогрессивный блок об'единил 315 членов государственной думы от левых националистов до к.-д.

Мобилизация общественного мнения шла под аккомпанимент весьма неприятных для буржуазии событий. Утихшее в начале войны рабочее движение снова разгоралось.

Совет министров, обсудив программу прогрессивного блока, постановил, что программа не встречает возражений, но при данном своем составе он не может ее проводить. К.-д. грозили уходом из Особых Совещаний. Но это была пустая угроза, она не могла испугать царское правительство. И к.-д. оставили свою угрозу не исполненной.

Правительство вполне правильно рассчитывало, что положить предел домоганиям государственной думы можно лишь, укрепив положение на фронте.

Наступление на юго-западном фронте началось еще в мае 1916 г. 23 августа 1916 г. государь принял на себя обязанности верховного главнокомандующего. Как шло наступление, можно судить по следующему примеру, который рассказывает ген. Лукомский.

„Выбранный для прорыва участок представлял из себя куртину между двумя очень сильно укрепленными высотами. С точки зрения тактики атаковать этот участок казалось безумным, ибо мы могли попасть в клещи, не взяв сильных опорных пунктов, бывших на фланге выбранного участка... На совещании начальников XI корпуса, на который была возложена задача прорвать фронт, начальник 19 пехдивизии выступил с критикой намеченного плана, указывая, что наши части будут уничтожены, что вся эта операция может закончиться катастрофой". Но план не мог быть изменен. Союзники на нем настаивали. К тому же необходимость из политических соображений создать перелом на фронте диктовали немедленное наступление. „Австро-венгерской армии был нанесен удар. Итальянцы были спасены".

Потери нашей армии были неисчислимы. В конце июня австро-германская армия начала контр-наступление. Армии юго-западного фронта потерпели ряд сильнейших поражений.

„Начался третий год кампании, предвиделась третья тяжелая зима в окопах. У многих закрадывалось сомнение в конечном успехе, которого не могли добиться уже и при наличии снарядов и тяжелой артиллерии. Замечалось переутомление даже среди лучших боевых штаб-офицеров... Укомплектования, прибывшие к концу лета 1916 г. из запасных батальонов, по своим моральным качествам были много хуже предыдущих. Ясно чувствовалось, что в тылу, в запасных батальонах, начинается пропаганда против продолжения войны. К осени 1916 г. и в некоторых корпусах, бывших на фронте, открыты были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны; было несколько случаев неиспол-

ния отдельными ротами и батальонами боевых приказов“ [31]). Пополнения, прибывавшие на фронт, по дороге разбегались наполовину. На фронте возникли и продовольственные затруднения.

Царское правительство и цензовые элементы. Антагонизм в среде правящих классов.

5. В тылу в период наступления шла усиленная борьба с общественностью.

„В 1916 г., говорит Милюков, парламентская борьба уже использовала все возможности и остановилась перед тупиком, из которого не было выхода“ [32]).

Самодержавно-бюрократическая власть представила полную свободу действия аграриям и капиталистам в различных совещаниях, военно-промышленных комитетах. Но политических уступок ни пяди. В среде правящих классов скоро обнаружились острые противоречия. Примирить интересы аграриев и буржуазии было уже не легко. В думе шли словесные бои. Буржуазия требовала разрешения продовольственного вопроса и проведения политики действительно твердых цен на хлеб.

В ответ на это аграрии пред'являли требование ввести твердые цены на предметы фабричного производства.

Они настаивали на разрешении рабочего вопроса, представлявшего серьезнейшие затруднения для помещичьего хозяйства. Аграрии обвиняли правительство в том, что оно предало забвению интересы сельского хозяйства, не приняло мер к снабжению его машинами, рабочими руками, снимало военнопленных с сельских работ во время горячки. Они называли политику твердых цен ошибочной. Аграрии указывали на то, что фронт лишил их рабочих рук, что вздорожание и „развратт труда“ грозят „подорвать благосостояние того класса, который кормил страну“. Упрекали промышленников, что те загребают высокие прибыли и организовались в „грозную силу“, которая „давит на правительство и захватывает в лице своих об'единений политическую власть“.

Дело снабжения фронта и населения хлебом требовало сильного ущемления интересов аграриев. В период министерства гр. Бобринского эта борьба вокруг продовольственного вопроса достигла своего апогея. Гр. Бобринский пытался многое сделать для помещиков, но общественное мнение давило слишком сильно на министерство. Общественное мнение требовало привлечения к продовольственному делу „мелкой земской единицы“.

В октябре 1916 г. было об'явлено обязательное распоряжение об организации губернских прод. совещаний, уездных

и волостных продовольственных комитетов, но тотчас же гр. Бобринский, подписавший это распоряжение секретным циркуляром приостановил его действие, так как это казалось аграриям началом революции. Введение хлебной разверстки способствовало полному разладу между правительством и помещиками.

В своей речи на открытии 5 сессии гос. думы Милюков разоблачал правые круги, обличая их в том, что они добивались заключения сепаратного мира, под тем предлогом, что „левые партии хотят продолжать войну, чтобы в промежутке организовать революцию". Монархические круги и дворянство боялись слишком дорого заплатить за проливы. В союзных странах выражали сочувствие представителям русской общественности. Деятельность союзных послов в России была также не по вкусу дворянству и бюрократии.

В кругах высшей военщины резко проглядывало разочарование в союзниках, которые не помогали ничем русской армии. В книге Валентинова „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 г.г. [33]) приводится ряд документов и данных, подтверждающих это достаточно полно.

12 (25) декабря Николаем был издан приказ, в котором отвергалось предложение Германии о мире и говорилось: „Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, еще не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот".

Нажим буржуазных кругов и союзников, обещавших дать России Константинополь, не могли не оказать своего действия. Будирование правых кругов за окончание войны должно было прекратиться.

Но если в вопросе о войне бюрократия и дворянство не в состоянии были упорствовать, то в вопросе о власти они решили не уступать ни одной пяди.

Убийство Распутина, фронда великих князей, дворян и монархистов ярко свидетельствовали о том, как далеко зашли разложение и противоречия в среде господствующих классов. Правые в письме к царю напоминали что следует оставить подражание походке пьяного—от стены к стене. Отчетливой линии в политике самодержавие не имело и не могло иметь: карты слишком перепутались. Между тем нужно было делать реши-

тельные шаги, ибо почва из-под ног ускользала. Протопопов повел, по его собственному выражению, революционно-правую политику. „Революционно-правая“ политика правительства не могла не способствовать дальнейшей изоляции самодержавия от буржуазных и либерально-настроенных помещичьих групп. Правительство не послушалось предупреждений Милюкова, говорившего на открытии думской сессии: „Нельзя вести войну внутри страны, если война идет на фронте“.

Самодержавно-бюрократическая власть оттолкнула от себя цензовую общественность, но не сделала ничего, чтобы примирить с собою дворянско-помещичьи круги. Царская власть, благодаря поражениям и неумению вести войну, вызвала к себе недоверие в рядах офицерства.

Рабочее движение в период войны. Позиция пролетариата в войне. Революция приближается.

6. 26 июля 1914 г. в день священного единения русской нации, в лице 4 гос. думы, с самодержавием, в день забвения внутренних распрей, фракция с.-д. большевиков (Петровский, Самойлов, Шагов, Бадаев и Муранов) выступила с декларацией против войны и демонстративно покинула зал заседания. Фракция большевиков от имени рабочего класса России заявила о своем враждебном отношении к войне. А с.-д. фракция была сильна своей связью с массами пролетариата. „За $2^1/_2$ года, с весны 1912 г. по осень 1914 г., около „Правды“, в полной идейной солидарности с которой работали эти депутаты, сплотились $^4/_5$ сознательных рабочих России“.... „Правдистские газеты и работа „мурановского типа“ создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40 тыс. рабочих покупали „Правду“, много больше читали ее“ [34]).

Империалистическая война прекратила начинавшуюся гражданскую войну и баррикадные бои на улицах Петрограда.

Царизм не ошибся. Под прикрытием войны и обороны страны от врага, при благословениях попов, клятвах верности российского либерализма и полной, безоговорочной капитуляции оппортунистов, царизм мог торжествовать. Патриотические манифестации, оборонческое настроение в стране, диктатура штыка сделали свое дело. Рабочий класс замолк.

Во второй половине 1915 года войны забастовочное движение упало.

По данным журнала Н. К. Т. „Статистика Труда“ № 4—5, в 1914 г. произошло 3.534 забастовки с 1.337.458 бастовавших рабочих и 5.755.072 потерянными днями, при чем 72,6% всего числа забастовок носили политический характер. В 1915 г. произошло 928 забастовок с числом бастовавших

539.528 и 1.863.392 потерянными днями, при чем только 22,1% было политических забастовок, в них приняло участие только 28,9% всех бастовавших рабочих, и на каждого бастовавшего рабочего приходилось потерянных дней не 4,3, как в 1914 г., а 3,5.

С самого начала войны забастовки были об'явлены делом немцев и евреев. Министр Сухомлинов в письме к Начальнику Штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевичу называет забастовки, происходившие на тех заводах, которые ему пришлось посетить, делом рук евреев, являвшихся „агентами врагов".

В ноябре 1914 г. произошел суд над депутатами думы—большевиками, арестованными на партийном совещании. Депутаты были сосланы в Сибирь. Вокруг этой высылки в среде рабочих шла оживленная кампания, питерские рабочие вынесли ряд резолюций с протестами против суда и ссылки, а затем с требованиями возвращения ссыльных в думу.

Наступление предпринимателей на рабочий класс помимо общих благоприятных условий облегчалось конкуренцией женского и детского труда. Дороговизна жизни немедленно же и больнее всего ударила по рабочему классу. В Москве для всего 1915 г., говорит С. Прокопович, беря среднюю арифметическую из декабрьских цен 1914 и 1915 г.г., мы получим повышение (на предметы продовольствия, главным образом) на 53,3%, заработная плата же повысилась на 19%.

Рабочий класс в крайне неблагоприятных политических условиях принужден был давать отпор наступательному порыву буржуазии, начавшей кампанию за милитаризацию промышленности.

Стачки начались с первых же месяцев 1915 г.

Очень характерной является стачка в Костромской губернии. Рабочие-текстильщики, в этом районе, в особенности, не отличались высокой сознательностью. Помимо того, значительная часть рабочих-мужчин, отправленных на фронт, была заменена женами и детьми запасных. В Костромской губернии 1915 г. был неурожайный. В начале мая начались стачки. 2 июня вспыхнула забастовка на Большой Льняной Костромской Мануфактуре, при чем требования рабочих отличались большой скромностью. Полиция произвела арест рабочих во время собрания. Рабочие отказались разойтись до освобождения их товарищей. Полиция без предупреждения открыла огонь, в результате было убито 12 человек, ранено 45.

В июле и августе забастовки и столкновения с полицией в промышленном московском районе были весьма бурные. Протест против войны в рабочей массе, как и среди всего населения, нарастал все резче. В авангарде шел ленинградский и иваново-вознесенский пролетариат. В Иваново-Вознесенске произошло выступление рабочих, закончившееся расстрелом.

Рапорт провокатора Романова — „Пелагеи", втершегося в ряды Тверской группы большевиков в Москве, начальнику Охранного Московского Отделения полковнику Мартынову картину событий рисует в следующем виде:„...В июле в Иваново-Вознесенске состоялась районная с.-д. большевистская конференция с участием представителей с.-д. группы из Тейкова, Гальчихи, Родников, Кохмы и Иваново-Вознесенска... Помимо этой конференции, в Иваново-Вознесенске же состоялся затем ряд собраний, на которых было решено, что, так как экономические забастовки зачастую не достигают цели, то улучшения условий труда можно достигнуть только при демократическом образе правления, повести широкую агитацию о необходимости, путем вооруженного восстания, свержения настоящего правительства и учреждения демократической республики. Для агитации за вооруженное восстание, приурочиваемое к 8 или 9 августа, были командированы особоуполномоченные лица в некоторые города Поволжья и Центрально-Промышленного Района" [35].

Сообщение провокатора о готовившемся вооруженном восстании, разумеется, вымысел, и дальше он себя опровергает, указывая, что о вооруженном восстании, в полном смысле этого слова, серьезно говорить нельзя, так как даже в таком рабочем центре, как Москва, этот вопрос не поднимался.

Самые события в Иваново-Вознесенске управляющий губернией Ненароков изображал следующим образом: „10 августа в семь с половиной часов вечера в Иваново-Вознесенские против толпы рабочих до 4 тыс. человек, желавших самовольно освободить арестованных товарищей, были вызваны войска для ограждения арестантской; из толпы были брошены в солдат камни и раздались выстрелы. После троекратного увещания командующего войсковой частью прапорщика о том, что он откроет огонь, агрессивные действия толпы не прекращались. В результате убито 16 и ранено около тридцати". В сообщении управляющего губернией была неточность, ибо, по сообщениям, делавшимся в государственной думе по поводу расстрелов в Иванове, число убитых и раненых достигало 100 человек.

Стачки экономические и забастовки протеста против войны вспыхивали все чаще и чаще. Генерал Рузский об'явил всякое стачечное движение государственной изменой, морской министр Григорович делал грязные намеки на немецкое происхождение стачек.

Об иваново-вознесенских и костромских расстрелах в думу были внесены запросы, обсуждение которых закончилось выразительным афоризмом националиста гр. Бобринского [36]): „Правительству необходимо подтянуться".

На фоне разгоравшейся гражданской войны, начатой царским правительством, происходило вовлечение рабочих в военно-промышленные комитеты.

Промышленники с разрешения министерства внутренних дел обратились к больничным кассам, страховым обществам и другим легальным рабочим организациям с предложением посредничества в деле проведения выборов представителей рабочих в военно-промышленные комитеты. Идея привлечения рабочих в военно-промышленные комитеты, с целью сделать их соучастниками в проведении повышенной эксплоатации труда и приобщить их к патриотической ответственности за оборону страны, пришлась по вкусу даже монархистам. В государственной думе представитель правых депутат Марков во время обсуждения вопроса о военно-промышленных комитетах заявил, что правые допускают вхождение представителей от промышленников в комитеты и совещания только при условии введения представителей от рабочих.

Центральный Военно-Промышленный Комитет определял так задачи рабочих делегатов в В.-П.К.: „Участвуя в трудах Центрального-Военно-Промышленного Комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут наилучшему выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны" [37]).

Меньшевики в думской фракции, с.-д. „Заграничный Секретариат", О. К. социал-демократов-меньшевиков (с большой неопределенностью, правда), оборончески-социалистические органы „Наше Дело", „Рабочее Утро", „Наш Голос", сборник Самозащита и т. д. энергично проводили идею вхождения рабочих делегатов в военно-промышленные комитеты. Организации с.-д. большевиков и „Межрайонная организация", не имея печатных органов, лишенные думской трибуны, не могли в ответ на кампанию гвоздевцев ответить контр-агитацией·

Однако, несмотря на все, рабочие Питера под руководством большевиков резко и определенно выявили свою позицию в этом вопросе.

На собрании уполномоченных 27 сентября 1916 г. под председательством Гвоздева, будущего министра труда временного правительства, большинством 90 против 81 голоса (ликвидаторов, народников и беспартийных), рабочие вынесли резолюцию, говорившую об империалистическом характере войны, о борьбе за мир путем гражданской войны против правительств буржуазии.

„На завоевание власти путем гражданской войны, говорилось в резолюции, должны быть направлены усилия пролетариата. Лозунг „долой войну" пролетариат должен осмыслить и углубить кличем: „да здравствует социальная революция". „Пролетариат зовет к созданию временного правительства после низвержения самодержавия для созыва Всенародного Учредительного Собрания"..., „участие в Ц. В.-П. К. было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени".

Вскоре после провала в Ленинграде, были проведены выборы в Москве. Здесь предвыборная агитация не была допущена и накануне выборов произошел ряд арестов революционно и интернационалистически настроенных передовых рабочих. Значительная часть рабочих, особенно металлистов, отказалась от участия в выборах. Но выборы были все же проведены.

Вскоре первоначальные выборы в Ц. В.-П. К. в Ленинграде были об'явлены недействительными. На 29 ноября были назначены вторичные выборы. На них присутствовал Гучков. Уполномоченные большевики собрание покинули, так как „вручение повесток гвоздевцами, аресты рабочих и уполномоченных, московская победа оборонцев, травля, поднятая ликвидаторами и, наконец, неправильное назначение вторичных выборов и неправильное проведение их, говорили достаточно ясно, о ценности этих выборов".

95 голосами при 8 воздержавшихся было решено делегатов в Ц. В.-П. К. избрать.

Гвоздевцы громогласно заявляли в декларации: „В полном сознании своих международных пролетарских обязанностей и своей великой ответственности перед рабочим классом России и перед всей страной, приступаем мы к нашей деятельности, как представителей петроградских рабочих и временно всех рабочих России в центральном военно-промышленном комитете" [39]).

Между бойкотистами были, между прочим, в большом числе и рабочие-меньшевики, что не мешало Е. Маевскому в сборнике „Самозащита“ [40] восклицать, что бойкот, проводившийся большевиками шел „на потребу... г.г. Глинкам из Земщины, Марковым из думы“. Явная ложь, ибо правые поддерживали предложение о представительстве рабочих в военно-промышленных комитетах. Именно г.г. Маевские целиком солидаризировались с Марковыми и Коноваловыми.

„Мне пришлось слышать однажды,—рассказывает в той же „Самозащите“ В. Вольский,—недоуменные вопросы члена гос. думы, занимающего место по левую руку г. Родзянки:—„чего еще требуете вы, сторонники самозащиты, от рабочего класса? Разве он не изнывает сейчас на работе на фабриках и заводах, разве не несет тягот войны, разве не умирает на полях сражений. Что изменит в его поведении ваше приятие войны?“ В. Вольский не смутился и ответил: во-первых, рабочие должны добыть себе право гражданства, во-вторых, ответственность за разгром России лежит и на рабочих.

Правительство и предприниматели закрывали заводы, арестовывали рабочих сотнями, составляли черные списки, сдавали рабочих в солдаты, посылали в штрафные батальоны. Фронт поглощал революционных рабочих, но они, попадая в ряды армии, становились ферментом ее разложения.

В сентябре в Москве произошло столкновение рабочих и населения с полицией. Забастовки и волнения усилились в январе. В 1916 г. широкие забастовки потрясли Донбас.

В Ленинграде, Москве, Иваново-Вознесенске, Харькове, Екатеринославе, Ростове и т. д. энергично работали соц.-дем. организации большевиков, несмотря на то, что движение в самой России было обезглавлено арестом большевистской фракции. Вползшие в полулегальность ликвидаторы лезли из кожи, чтобы предотвратить забастовки.

Забастовочное движение росло следующим образом [41]:

	Число забастовок.	Число бастовавш. рабочих.	Число потерянных дней.	Средн. число потерян. дней на раб.
1915 г. . .	928	539.528	1.863.392	3,5
1916 „ . .	1410	1.086.364	4.769.718	4,4
1917 „ до сентября .	1938	892.316	3.822.656	4,3

Процент политических забастовок в 1915 г.—22,1%, рабочих принявших в них участие—28,9%, в 1916 г.—17,2%,

рабочих принявших участие в них—28,6%, в 1917 (до сентября) политзабастовок—67,1% и бастовавших в них рабочих—76,5%.

Экономическое и продовольственное положение Ленинграда и Москвы и др. городов резко ухудшалось. В октябре 1916 г. в Ленинграде волнения происходили, главным образом, на продовольственной почве.

Поражения русской армии, сумасшедшая политика правительства, экономический развал в стране на всех парах несли царскую Россию навстречу революции.

Недовольство, царившее в стране, проникало в армию, и если уже в июле 1914 г. в переписке Сухомлинова и ген. Янушкевича отмечались признаки разложения, то после понесенных поражений волнения в армии участились.

19 октября 1915 г. на линейном корабле „Гангут" на почве недостатка в продовольствии и жестокости офицеров вспыхнул бунт. На крейсере „Рюрик" происходит вспышка. В политических организациях Балтфлота был произведен ряд арестов.

Армия, тесно связанная с населением, живет его интересами. В 1915—16 г.г. в городах происходили уличные стычки рабочих и простых обывателей, выступавших на защиту солдат, с офицерами и полицией.

Рост населения в городах, благодаря беженству, частичному оттоку населения из деревни в город, принял за время войны крупные размеры. Особенно сильно увеличилось рабочее население в Ленинграде. За годы войны число рабочих в одних только крупных предприятиях Ленинградской губ. возросло почти вдвое (на 160 тыс. чел.). К моменту революции в Ленинграде в военной промышленности было занято около 400 тысяч фабр. рабочих, при чем 355 тыс. человек из них на 140 крупнейших заводах, в среднем 2.400 чел. на заводе. В столице скопилось и большое количество войск, для которых жизнь в Ленинграде послужила хорошей революционной школой. В воинских частях, расположенных в столице, как впрочем и в других городах, служило много местных рабочих. И этим в значительной мере об'ясняется та организованность и солидарность, с какой выступали воинские части совместно с рабочими в начале февральской революции.

* * *

Война не могла задушить пролетарского движения. Наоборот, взвинтив классовые противоречия до крайности, она еще

резче оформила ту обстановку, в которой пролетариат неминуемо должен был сыграть решающую роль.

Война 1914 г. была для России грандиозной попыткой разрешить тот клубок противоречий, который сковывал хозяйственное и политическое развитие страны. Война должна была бросить на колени непокорный пролетариат, укрепить позиции самодержавия и дворянства, еще крепче привязать буржуазию к колеснице царизма. Она должна была сыграть роль могущественного рычага накопления капиталов, грандиозного перераспределения народных доходов, запродажи „на корню" настоящего и будущего достояния народных масс путем получения внешних займов. Но эта же война поставила перед Россией такие огромные экономические и политические задачи, которых царская власть и господствующие классы не могли и не способны были разрешить.

Вопрос о войне в период Февральской Революции.

Февральский переворот. Стратегия буржуазии. Мелко-буржуазные демократы идут на удочку.

1. 27-го февраля 1917 года Родзянко телеграфировал на имя главнокомандующего северного фронта ген. Рузского: „Волнение, начавшееся в Петрограде, принимает стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их—недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения... Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28... На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов... Правительственная власть находится в полном параличе... Война при таких условиях не может быть победоносно окончена..." [42]).

Политическая ситуация накануне февральского переворота так характеризовалась в „исполненных тревоги" донесениях охранного отделения и департамента полиции, по выражению А. Блока, „единственного живого органа, который учитывал политическое положение. Неспособные к органической работе и переполнившие государственную думу политиканы... способствуют своими речами разрухе тыла... Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны". „Серьезно ожидают... каких-то исключительных

событий и выступлений", „несомненного якобы в ближайшем будущем „дворцового переворота" со стороны деятелей государственной думы... и организации офицеров, постановившей убить ряд лиц, якобы мешающих обновлению России". „Либеральная буржуазия верит, что правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице лидируемого ими прогрессивного блока, и тогда на Руси все образуется".

Охранное отделение констатирует „общую распропагандированность пролетариата", который пришел к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции. „Всеобщая забастовка об'единит в себе всевозможные политические направления и, начавшись под флагом популярной сейчас „борьбы за думу", окончится требованием окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и проч.". „В действующей армии, согласно повторным и все усиливающимся слухам, террор широко развит в применении к нелюбимым начальникам..." [43]).

В заключение, охранное отделение называло положение таким же, какое было накануне 1905 года.

Нельзя сказать, что только охранное отделение „понимало политическое положение". Его понимали и вожаки буржуазии. Широкое выступление рабочих, занимавших уже во время войны недвусмысленную позицию по отношению к империалистической войне, самодержавию, господству буржуазии и помещиков, переход армии на сторону революции, образование Совета Рабочих Депутатов и т. д.,—все эти факты давали достаточно отчетливо понять, на чьей стороне реальная сила, за кем превосходство.

План шедшей к власти промышленной и аграрной буржуазии схематически был задуман „правильно".

Выступление народных масс и армии налицо. Нужно собрать это движение вокруг дела „борьбы за думу" против „старого деспота", истолковать и использовать все движение, как патриотическое выступление народных масс против изменнического правительства, предавшего дело обороны и неспособного довести войну до победного конца. Овладеть аппаратом власти, ограничившись только „перепряжкой лошадей", и во что бы то ни стало сохранить монархию. Заткнуть массам глотку куском хлеба, успокоить их некоторым облегчением непомерной эксплоатации. Война и армия должны явиться теми факторами, которые можно будет противопоставить революции и пролетариату. Необходимо привлечь армию на свою сторону, сохранив в ее

рядах непоколебимую дисциплину, сохранив нетронутым аппарат военной диктатуры. Основная задача—изолировать пролетариат, и в случае, если он не пожелает пойти под седло, выдвинуть ему в противовес армию, крестьянство и обывательскую массу, создать такую обстановку, при которой каждое выступление пролетариата можно будет заклеймить, как измену делу войны, предательство по отношению к армии.

Сведения о дворцовом перевороте, которым хотели ограничиться некоторые деятели государственной думы и высшее офицерство, сообщавшиеся охранным отделением—не выдумка. „Парламентарий" Гучков подготовлял организацию дворцового переворота, который дал бы возможность безболезненно изжить кризис власти. Это подтверждает Милюков в своей „Истории", об этом сообщал М. И. Терещенко после самоубийства ген. Крымова. „Гучков надеялся",—говорит А. Блок,—„что армия, за малыми исключениями, станет на сторону переворота, сопровождаемого террористическим актом (как лейб-кампанцы XVIII в. или студент с бомбой), но не стихийного и не анархического, а переворота, подобного заговору декабристов".

В момент, когда произошло отречение царя, Милюков и Гучков поставили ребром вопрос о сохранении монархии и регентстве Михаила Александровича. От решения этого вопроса должно было зависеть участие их в правительстве. Князь Львов, во время переговоров с великим князем Михаилом Александровичем, поручил В. Набокову уговорить Милюкова, чтобы тот, в связи с отказом Михаила Александровича от престола, не противился вхождению во временное правительство.

„Что Гучков уходит, это не беда",—говорил князь Львов Набокову. „Ведь, оказывается, что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться...".

Акту „отречения" кадеты стремились не придавать характера „низложения".

Расчеты Гучкова и Милюкова были примитивно просты: оба они знали, что их собственный авторитет в глазах чиновничества и генералов весьма невысок; им казалось, что под фирмой монархии они сумеют легче подчинить себе аппарат управления государством и армией.

Главная загвоздка была в рабочих, но—на ловца и зверь бежит. Оказалось, что „приручить" революцию не так уже трудно.

Наиболее левые из первоначальных руководителей Ленинградского Совета—Стеклов и Суханов—вели такую политику, которая

приятно изумила комитет государственной думы. „Мы сошлись со Стекловым“,—рассказывает Н. Суханов,—„по следующему предмету: не настаивать перед прогрессивным блоком на самом термине учредительного собрания, ибо совсем недавно Милюков, говоря об учредительном собрании, называл его нелепой и нецелесообразной затеей“ [44]).

Переговоры о формуле соглашения между представителями Совета, временным правительством и комитетом государственной думы очень характерны для той политики, которую соглашатели повели с первых дней революции. Милюков в своей „Истории“, Стеклов на заседании 1-го Всероссийского Совещания Советов 30-го марта и Суханов в „Записках“ сообщают следующие подробности переговоров: при обсуждении требований, пред'явленных Советом об образовании временного правительства, Милюков предложил исключить пункт: „воздержание временного правительства от всех действий, предрешающих форму будущего правления“, так как,—об'ясняет Милюков,—„в ту минуту в этой скромной форме обеспечивалась возможность разрешения вопроса в смысле республики, тогда как временное правительство принимало меры к обеспечению регенства Михаила“. При этом Милюков пугал советских представителей, заявляя им: „Мы... шли к власти не путем революции. Этот путь мы отвергали... Если революцию продолжать, завершать, закреплять, то необходимо демократии быть готовой взять на себя одну всю тяжесть этого подвига, имея против себя об'единение сил царизма и всех имущих классов“. К пункту 9 о самоуправлении армии Милюков сделал добавление: „при сохранении строгой воинской дисциплины в строю, и при несении военной службы“. Добавление было принято.

Все пункты требований, за исключением пункта 7 о неразоружении и невыводе революционных частей из Ленинграда, соответствовали взглядам думских деятелей, „прямо вытекали из собственных взглядов вновь сформированного правительства на его задачи“, как выражается Милюков [45]).

„Но все же“,—говорил Стеклов 30-го марта в докладе об отношении к временному правительству,—„часть правительства готова была смотреть на эту программу, как на декларацию принципов, а не как на программу определенных мероприятий“.

Буржуазия, землевладельцы во имя сохранения власти готовы были пойти на временные уступки экономического характера, ибо понимали, что, удержав власть в своих руках, позже

сумеют заставить пролетариат и массу трудящихся отступить. И в этом отношении все обстояло наилучшим образом. Представители Ленинградского Совета вручали буржуазии власть, оставив ей в то же время всякие лазейки для ее политических кунштюков. И буржуазия, разумеется, была готова опереться на услужливые спины „мамелюков" из Ленинградского Совета.

Мелкобуржуазные влияния на пролетариат. Эсеры, меньшевики, кадеты.

2. Февральская революция произошла с изумительной быстротой, о которой хвастливо сообщал Милюков в своей телеграмме заграничным представителям России.

„Эта восьмидневная революция была, если позволительно так выразиться, „разыграна", точно после десятка главных и второстепенных репетиций: „актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия",—так писал В. Ленин в своем „Письме издалека".

Буржуазия и „союзники" России ходом вещей были вынуждены согласиться на „маленькую революцию" в интересах „большой войны". Мелко-буржуазные массы, крестьянство были проникнуты духом „добросовестного оборончества". Они с восторгом приняли факт падения самодержавия и громко провозгласили свои положительные лозунги: „земля и воля". Но так как по вопросу о войне, по этому „проклятому вопросу" революции, они решения не имели, то в силу уже одного этого обстоятельства они попадали в идеологический плен к буржуазии.

Рабочий класс в основных вопросах занимал твердую позицию, но еще не осознал своих сил, был оглушен шумом выступивших на арену борьбы мелко-буржуазных масс

„Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими.

Гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, то-есть заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику"[46]).

Именно это обстоятельство психологически создавало возможность „соглашения" с буржуазией. Мелко-буржуазные вожди

вручали власть Гучковым и Милюковым, совершив „оскопление“ Советов, являвшихся крупнейшей силой в стране.

Армия в своих рядах об'единяла цвет крестьянства, она сделалась политическим органом деревни. Распыленная, индивидуалистическая крестьянская Россия благодаря войне стала могущественной политической силой. Крестьянин в армии „локтем чувствовал соседа“, близкого ему по своим настроениям и чаяниям; выступая скопом, был решительнее и увереннее в себе. Армия инстинктивно шла за пролетариатом, но, опутанная тысячей крестьянских предрассудков, еще доверяла буржуазии и ее власти. Чуждый захватнической, аннексионистской политике буржуазии, крестьянин все же был „оборонцем“, боясь, что враг, „германец“ посягнет на его землицу. Пока „обаяние“ войны подчиняло его психологию, он, уставший от войны, искренно хотевший мира, не смел еще выразить своего желания вслух.

В деревне за время войны произошла заметная „передвижка“, усилившая значение кулацкого элемента. Война многих обогатила, многих разорила. Семьи бедняков и обеднев-ших крестьян чувствовали свою зависимость от кулака, ростовщика, лавочника, к которым во время войны особенно часто приходилось из-за нужды идти с поклоном. Богатей понемногу скупал то землицу, то инвентарь, который распродавали разорявшиеся крестьянские семьи.

Во время войны заметно изменился и социальный состав рабочих масс. Разорение деревни и политика принудительного привлечения на работу в помещичьи имения вызывали усиленный отлив крестьян из села в город. Эта масса довольствовалась малым, дорожила работой, небольшой денежной платой. Ряды рабочих засорились элементом разорявшегося городского мещанства, ремесленников, мелких хозяйчиков. Мелкую буржуазию разоряла война, вызвавшая уход кормильцев на фронт, дороговизна, эвакуация из насиженных мест и т. д.

Население городов выросло необычайно. Мелко-буржуазные элементы вносили в среду пролетариата дух мелко-буржуазных иллюзий, оборончества, национализма, мелкотравчатого синдикализма, шкурничества и чисто-анархических эксцессов против частной собственности.

„Окрестьянивание“ и „омещанивание“ рабочего класса давали себя знать на всем протяжении революции.

Однако, по мере развития классовой борьбы, революционизирования крестьянства и усиления общего недовольства, мел-

кая буржуазия все решительнее и решительнее шла за пролетариатом, признавала его своим вождем.

Партия социалистов-революционеров, благодаря своим связям с кулацкими элементами и широковещательным лозунгам, привлекла на свою сторону неискушенные в политике солдатские массы, крестьян и городское мещанство. Она, как губка, вбирала в свои ряды интеллигентские группы, обывателей, всех, кто был настроен левее кадет и был увлечен героями революционной фразы. На фронте комитеты попали в руки интеллигентов, вольноопределяющихся, врачей, бывших учителей, мелких служащих. Косноязычная солдатская масса в этот период еще доверяла интеллигенции. Она чувствовала себя робко на ораторской трибуне, в комитетах и советах и поручала представительство людям грамотным, умеющим и слово сказать, резолюцию и воззвание написать. Интеллигенты, мелкие служащие и учащиеся легко усваивали лозунги эсеров: землю они охотно отдавали крестьянам, воля была такой заманчивой, „народничество“ оказывалось великолепной отдушиной беспочвенно-возвышенных, фразерски-красивеньких патриотических и революционных порывов просвещенного, грамотного и полуграмотного мещанства.

Партия меньшевиков была мало популярной, ее программа, более сложная и мудреная, чем эсеровская, не могла рассчитывать на сбыт среди широкой публики, взыскующей быстрого политического самоопределения. В рядах меньшевиков находились дореволюционные деятели ликвидаторства, обосновавшиеся частично в земских союзах, в различных комитетах, частично в рабочих кооперативах и легальных профессиональных организациях, часть рабочих из хорошо оплачиваемых групп и новообращенные интеллигенты, сохранившие смутные воспоминания о 1905 годе, о прочитанных ими некогда нелегальных брошюрах и. т. д.

Партия народной свободы (к.-д.), руководимая крупнейшими идеологами российского империализма, в период февральской революции сплотила в своих рядах довольно разношерстный, но, разумеется, сплошь цензовый элемент. Сюда перекочевали люди из более правых партий, сюда вошли либеральные офицеры, полулиберальные помещики, черносотенные домовладельцы, купцы, среднее чиновничество.

Буржуазно-интеллигентская, либерально-империалистическая среда кадетской партии быстро переварила всю эту публику, и это придало партии более определенный контр-революционный характер, чем она имела всегда, даже во время

войны. Записка правых, составленная в кружке члена гос. совета Римского-Корсакова и переданная царю 6-го ноября 1916 года, так характеризовала к.-д... „Наиболее сильной является партия к-д... Но, если приглядеться к ней, то придется признать, что эта партия сильна своей слабостью... Об'явление конституции привело бы к разгрому правых и поглощению промежуточных партий кадетами... Но и кадеты оказались бы вытесненными и разбитыми своими друзьями слева... А затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущих классов и, наконец, мужик-разбойник". [47])

Если в чем ошибались правые, так в том, что кадеты будут разбиты своими друзьями слева, т.-е. меньшевиками и эсерами. Кадетов вместе с их друзьями разбили не друзья слева, а враги слева.

Октябристы и кадеты заключили блок с мелкой буржуазней. Главным пунктом соглашения была „оборона". За этот пунктик радостно ухватилась буржуазия, понимая, какой прекрасный козырь имеет в руках, как превосходно она сумеет эксплоатировать благодаря ему соглашательских вождей.

Главной задачей буржуазии было изжить двоевластие, контроль Советов над временным правительством, прибрать к рукам всю власть.

В самом начале революции фабриканты и заводчики почти без боя согласились на введение 8-ми часового рабочего дня, но когда экономическое движение рабочего класса стало усиливаться и забастовки учащаться, буржуазия повела наступление против рабочих и поставила ставку на раз'единение пролетариата, армии и крестьянства.

Ставка буржуазии на раз'единение революционных рядов. Соглашатели на службе у буржуазии. Иностранные дела Милюкова.

3. Бешеная травля пролетариата под лозунгом „солдаты, в окопы, рабочие, к станкам" началась в буржуазной прессе и превратилась в сплошной вой.

Рабочие принуждены были занять оборонительное положение. С фронта и из воинских частей представители солдат отправлялись на предприятия, чтобы здесь убедиться, как „лодыри-рабочие" предают армию и дело обороны страны.

В десятках резолюций собрания рабочих, фабзавкомы указывали, что прекращение работ по большей части об'ясняется отсутствием материалов, сырья и топлива или, действительно, тяжелыми экономическими условиями работы.

Буржуазия сумела подчинить себе „советскую демократию" сделать соглашателей агентами в борьбе против требований рабочих. В обществе заводчиков и фабрикантов в Ленинграде было вынесено решение: так как „рабочими пред'являются невыносимые требования, то постановлено обратиться к С. Р. и С. Д. с указанием на настоятельную необходимость принять неотложные меры к восстановлению нормальной жизни на заводах и... необходимости выездов представителей Совета на заводы для выяснения недопустимости такого положения". И, действительно, оборонческая пресса и представители мелко-буржуазной демократии в этом отношении постарались не мало. Призывы к умеренности, к напряжению всех сил стали признаком хорошего тона, как в выступлениях в Совете и комиссиях его, так и на собраниях рабочих.

Кампания провокации и склоки, натравливание солдат на рабочих очень скоро, однако, обернулись против буржуазии. Делегации солдат на заводах укрепляли революционную спайку армии и рабочих. Буржуазная пресса, обильно посылаемая на фронт, возбуждала к себе величайшее отвращение.

Деятельность представителей демократии, направленная к замирению и осаживанию рабочих в их требованиях ни мало не дисгармонировала с общей политикой Ленинградского Совета. Воззвание Совета по вопросу о мире призывало народы всего мира начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. „Наступила пора взять в свои руки решение вопроса о войне и мире". Вместе с тем воззвание говорило о готовности России „стойко защищать собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне", и призывало демократию Германии и Австро-Венгрии отказаться служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров. Чхеидзе в своей речи подчеркивал: „Предложение мы делаем с оружием в руках, и центр воззвания вовсе не в том, что мы устали и просим мира. Лозунг воззвания „долой Вильгельма".

Буржуазные газеты одобрительно относились к положительной части воззвания. „Известия" же недоумевали: „буржуазная пресса, — писали они, — сочувственно цитирует наши заявления о том, что мы стоим за отпор завоевательным стремлениям австро-германской коалиции. Буржуазные газеты затушевывают коренное различие позиции Совета и позиции империалистической буржуазии."

„Правда" настойчиво указывала на всю пустоту, лживость призывов к германскому и австрийскому пролетариату перестать

служить помещикам и банкирам в их захватной политике со стороны тех, кто именно эту политику проводит у себя дома.

28-го марта по настоянию Совета было опубликовано в обращении к гражданам заявление временного правительства о целях войны. Центральным же пунктом заявления было то, что „русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в жизненных силах своих. Эти начала будут положены в основу внешней политики временного правительства, неизменно проводящего волю народную и ограждающего права нашей родины, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников.“

Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в конце марта вынесло ряд резолюций, в которых демократию призывали сплотиться вокруг Советов, „быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии и уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств.“ В числе решений совещания по экономическим вопросам фигурировало и такое: в целях урегулирования рабочего вопроса и устранения разрухи добиться „государственного давления на предпринимателей и подчинения промышленности общегосударственным интересам, планомерного регулирования хозяйства, отчуждения сверх-прибыли в пользу нации“. По земельному вопросу была вынесена резолюция о конфискации удельных, кабинетских и церковных земель и одновременно с этим совещание возложило на местные земельные комитеты обязанность бороться со всякими попытками разрешения на местах земельного вопроса. Выборы командного состава в армии были признаны недопустимыми. По вопросу о войне совещание указывало на необходимость переговоров временного правительства с союзниками для выработки общего соглашения в смысле отказа от завоевательных программ.

Образец скромности и государственности, резолюции совещания показались буржуазии чрезмерными. И так как в апреле началось заметное оживление интереса к вопросу о войне, то именно на этом пункте нужно было дать демократии бой.

На с'езде партии народной свободы в конце марта самым недвусмысленным образом говорили о проливах. 11-го апреля Милюков на московском собрании к.-д. говорили о том, что в декларации временного правительства от 28-го марта даны не условия мира, а лишь общие принципы. „Как бы ни относиться к лозунгу „мир без анексий“, нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворения национальных стремлений австрийских славян“.

Но главный удар готовился на 18 апреля (1 мая н. ст.), когда предстояла демонстрация солидарности международного пролетариата. В выпущенной Милюковым ноте от 18-го апреля говорилось о всенародном стремлении довести мировую войну до решительного конца. „Поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира... Передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем".

Эта нота била не в бровь, а в глаз.

Она вызвала в стране взрыв возмущения.

Ночью с 19-го на 20-е апреля Исполнительный комитет Ленинградского Совета предложил временному правительству устроить совместное совещание. Временное правительство повело решительную атаку, министры до смерти запугали своими докладами Исполнительный Комитет. 22-го апреля нота министра иностранных дел раз'яснила, что все обстоит благополучно: нота 18-го апреля не противоречит заявлению от 28-го марта, инцидент исчерпан.

Война убьет революцию или революция убьет войну.

4. Война для России была делом безвыигрышным. И в случае победы и в случае поражения, царская Россия неминуемо превратилась бы в колонию иностранного капитала. Хозяйственный надрыв, вызванный войной, довел нашу промышленность до такого состояния, что если бы Россия в результате войны завладела новыми рынками, то конкурировать на них с европейским и американским капитализмом ей бы все равно не удалось.

Ряд внеевропейских стран, всегда конкурировавших с Россией в области хлебного экспорта, за время войны так укрепился на европейских рынках, что отсталому сельскому хозяйству России было бы крайне трудно, особенно при сохранении старого уклада земельных отношений, вытеснить конкурентов с европейских рынков.

Война была той цепью, которая еще крепче приковывала Россию к англо-французскому капиталу. Непроизводительные расходы на содержание армии, на поддержку бюрократически-полицейского государственного аппарата, всегда принуждавшие правительство России обращаться к иностранным денежным рынкам за займами, в результате войны выросли бы еще больше, и поставили бы правительство России в еще большую зависимость от союзников.

Война ставила русскую буржуазию в зависимости от военно-феодальных элементов, от дворянско-помещичьих кругов,

вообще. Характерно, что именно временное правительство стало на путь повышения твердых цен на продовольствие.

Война нарушила правильный обмен веществ в хозяйственном организме России, и без того страдавшем острым худосочием. Расходы на войну росли в ужасающей прогрессии. В 1915 г. война стоила 10 миллиардов руб., в 1916 г. 19 миллиардов, в первое полугодие 1917 года 10½ миллиардов, т.-е. больше, чем за весь 1915 год. Расходы на содержание армии, на оплату труда в военной промышленности в результате революции должны были, разумеется, увеличиться. Армия на фронте требовала улучшенного содержания.

И только один из больных вопросов, связанных с войной, продовольственный, непосредственно выдвигал на первый план задачу регулирования промышленности, снабжения деревни фабричными изделиями, необходимость перевода промышленности на мирное положение, восстановления сельского хозяйства, повышения заработной платы и т. д.

На ряду с этим выплывал вопрос об организации широчайшей самодеятельности народных масс в деле под'ема производства, предотвращения голода и дальнейшего развала хозяйства. Дело спасения страны диктовало необходимость скорейшей ликвидации войны.

Между тем буржуазия не имела ни желания, ни сил закончить войну. Она не оставила своих захватнических намерений. Милюков стоял у власти, и теперь то он мог развернуться.

Затягивание войны служило интересам дальнейшего обогащения. Но с развитием революции капиталистам все чаще и чаще приходилось думать не о получении новой сверх-прибыли, а о сохранении своего политического и экономического господства. Тем сильнее буржуазия цеплялась за войну, ибо только война давала надежду сохранить в руках могущественнейший инструмент классового господства—армию.

При продолжении войны буржуазия могла под самыми различными, высоко-патриотическими предлогами до бесконечности откладывать дело реорганизации государственного аппарата, проведение реформ, обещанных в первой декларации. В Киеве Гучков говорил о том, что учредительное собрание следует созвать после окончания войны.

Чем дальше, тем все больше и больше рассеивались воздушные замки империалистической романтики, блекли надежды на сверх-прибыли и все настойчивее выступал основной чисто-политический мотив продолжения войны—удержание власти,

всего аппарата государства, что легче всего было сделать в обстановке войны.

В. Набоков рассказывает такой интересный факт. Однажды он в беседе с Милюковым высказал мысль, что революция—результат усталости солдат и народа от войны, и потому вопрос о войне следует решить возможно скорей. Милюков решительно возразил: „Кто его знает,—сказал он,—может быть, благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось“. [48])

Апрельская демонстрация. Конференция большевиков.

5. В апреле интерес к вопросу о войне значительно усилился. И откровенно-империалистическая нота Милюкова к союзникам обострила этот интерес.

Правда, главным лозунгом демонстрации в Ленинграде было „долой Милюкова“, но все же демонстрация свидетельствовала о том, что масса начинает понимать, чем грозит революции империалистическая политика правительства. Нападение белогвардейцев, буржуазной молодежи на демонстрантов, сопровождавшееся отдельными кровавыми стычками, являлось симптомом гражданской войны, которую начинала буржуазия.

Апрельская демонстрация была началом гражданской войны, вооруженной схватки контр-революции с рабочими и солдатскими массами, предвестником решающей дуэли двух враждебных классов, в которой один из противников неминуемо должен был пасть.

Исполнительный Комитет признал раз'яснения временного правительства по поводу ноты удовлетворительными и инцидент исчерпанным; Милюков даже считал, что конфликт 20—21 апреля окончился моральной победой временного правительства,—о чем он и говорит в „Истории“,—но демонстрация рабочих и солдатских масс показала, что победа временного правительства мнимая, что инцидент далеко еще не исчерпан.

С конца апреля начинается широкая перегруппировка сил, борьба за исходные позиции в будущей схватке пролетариата и буржуазии.

Апрельская конференция партии большевиков учла опыт первой схватки, уроки апрельского кризиса. Она четко формулировала лозунги борьбы и общими штрихами намечала положительную программу революционного действия.

„Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреженію,—говорилось в резолю-

ции,—и немедленно, и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций".

Первый кризис власти, приведший к образованию коалиционного правительства, отраженным образом свидетельствует о возрастающем напоре революционных масс, о пробе их сил.

Под'ем революции. Буржуазия и помещики спешат наперерез.

6. Стачечное движение и требования рабочих делались все настойчивее. С'езд представителей рабочих и предпринимателей Донбаса не дал соглашения. Предприниматели давили на правительство, требуя возмещения тех убытков, которые „могло повлечь за собой повышение заработной платы рабочих".

Скобелев грозил экспроприацией 100% военных прибылей. На экстренном заседании исполнительного комитета 16 мая было решено преобразовать экономический отдел совета в отдел организации народного хозяйства, который должен был разработать план регулирования промышленности, положение о контроле над промышленностью, банками, вопрос о распределении рабочей силы, регулировании прибыли, зарплаты, подготовить образование регулируемых трестов.

Еще во время войны предприниматели энергично сопротивлялись введению регулирующих начал в производстве и торговле. Они боялись, что государство наложит руку на их прибыли и проявляли вполне законное недоверие к вмешательству в их дела невежественных царских чиновников и бюрократов. Теперь же предпринимателям весьма не по духу приходилось покушение революционной демократии на регулирование производства. Правда, Артур Гендерсон поддерживал в этом отношении представителей демократии, указывал на пример Англии, где государственное регулирование капитализма в интересах наиболее целесообразной организации обороны и производства на войну сделало большие успехи. Но то было из совсем другой оперы. В условиях революции и все обострявшейся классовой борьбы осуществление элементов, так называемого, „военного социализма" могло обратиться против господства буржуазии, вообще. В других условиях, при безусловном перевесе над рабочим классом, буржуазия, конечно, охотно пошла бы на введение трудовой повинности и другие меры регулирования, поскольку они позволяли бы ей взять пролетариат в ежовые рукавицы.

Но теперь буржуазию смертельно пугало „насаждение демократических организаций" в промышленности, которые уже на многих предприятиях в Ленинграде, в Москве и в провин-

ции активно вели борьбу с локаутами, вмешивались в ведение предприятий.

„Финансовая газета“ 17-го мая писала: „Политический переворот, столь всеми желанный и жданный, принимает форму не бывшей еще нигде социальной революции. Законная, естественная в свободной стране „классовая борьба“ приняла у нас характер классовой войны. Надвигается финансовое банкротство. Неизбежен крах промышленности“.

Предприниматели „шли наперерез“ и спешили создать в Ленинграде по соглашению с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и союзом инженеров центральную комиссию по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях и проведению общественного контроля.

Кризис мог быть предотвращен только „проявлением действительной полноты власти“.

Этого буржуазия добивалась.

На крестьянском с'езде в мае было обещано издать распоряжение о приостановке земельных сделок.

„Мужицкий министр“ В. Чернов обещал так же предпринять ряд необходимейших действий. Министром юстиции распоряжение о приостановке земельных сделок было издано, но 27 мая в газетах появилось сообщение о том, что распоряжение о земельных сделках задерживается. Господа помещики спешили наперерез.

Против Чернова в связи с его деятельностью была поведена усиленная травля. Кампанию вели под тем предлогом, что вот-де Чернов — циммервальдец, против наступления, против войны вообще, и потому нетерпим в правительстве. Однако, как утверждает Керенский, в вопросе об армии министр земледелия разделял общие для всего временного правительства взгляды. В качестве улики была выбрана речь Чернова на крестьянском с'езде. На совещании правительства Чернов об'яснил, что против наступления не говорил и, наоборот, заявил, что „политика“ не должна мешаться в „стратегию“. В конце концов Чернова с треском провалили.

Дело было, однако, не в Чернове. Вся заковыка состояла в том, что земельные комитеты и крестьянство самочинным, „явочным порядком“ приступали кое-где к захвату земли. Аресты и разгон комитетов делу не помогали.

Позже, на частном совещании членов государственной думы Родзянко по вопросам о сделках на землю говорил: „Если сделки на землю будут воспрещены, то будет обеспе-

нено обеспечение кредита и землевладельцам будет закрыт кредит. Из каких же средств землевладение будет уплачивать свои долги банкам? В большинстве случаев сроки уже пропущены, и такой законопроект приведет к немедленной ликвидации земельной собственности на законном основании без торгов" [43]).

Буржуазию беспокоили и национальные дела. И здесь нужно было спешить „наперерез".

Финляндия стремилась к обособлению и не довольствовалась уступочками и обещаниями временного правительства. Украинская Центральная Рада требовала автономии.

В начале июня Центральная Рада в ответ на отклонение украинских требований об автономии создала генеральный секретариат, энергично приступила к формированию национальных частей. Это не только создавало реальную опору для самостийнической политики Центральной Рады: формирование явно расстраивало планы готовившегося на Юго-Западном фронте наступления.

На 4 июня был созван всеукраинский войсковой с'езд. Керенский под патриотическим предлогом интересов обороны телеграфно запретил с'езд. Это запрещение, однако, игнорировали. Политика временного правительства в украинском вопросе вызвала, разумеется, совершенно обратные результаты: авторитет временного правительства ставился ни во что.

Тревожили буржуазию и попытки демократии произвести нажим в области внешней политики. По настояниям Исполнительного Комитета министр иностранных дел Терещенко принужден был опубликовать ноту, которую мелко-буржуазная печать приветствовала, как кардинальный поворот во внешней политике. В ноте говорилось, что „Россия стремится к достижению всеобщего мира на основаниях, исключающих... всякие империалистические замыслы, в какой бы форме они ни проявлялись". И дальше: „Верный этим принципам русский народ твердо решил бороться с явными и скрытыми замыслами противника, как в политической, так и в финансовой или экономической области". Нота предлагала созыв конференции, которая должна была собраться „при благоприятных условиях".

Смысл ноты расшифровывался словами Милюкова, сказанными им еще в период создания коалиционного правительства: „Какие бы мы прекрасные формулы дружбы союзникам ни писали, если армия останется бездейственной, это будет фактической изменой нашему обязательству. И, наоборот, какие бы страшные формулы, изменяющие лойяльности, мы н

написали, но если армия фактически будет воевать, то это, конечно, будет фактическим соблюдением наших обязательств по отношению к союзникам“ [50]. Именно так и решала вопрос буржуазия.

Борьба за армию и борьба в армии. Наступление 18 июня, его политический смысл.

7. Но больше всего пугали буржуазию армейские дела, усиление пропаганды и влияния большевиков в армии. Военная организация Р. С.-Д. Р. П. большевиков в Ленинграде не только добилась большого влияния в столице, но установила крепчайшую связь с фронтом. Такая же работа в армии велась большевистскими партийными организациями во всех городах. „Солдатская Правда“, издававшаяся в столице, сразу достигла тиража в 50 тысяч. О роли этой пропаганды говорили А. И. Деникин и Б. Савинков на заседании в ставке 16 июня. По данным „Московского военного бюро по снабжению литературой“, приводившимся, между прочим, на упомянутом совещании, распространение большевистской литературы на фронте было таково: с 24 марта по 1 мая отправлено в армию: 7.972 экз. „Правды“, 2.000 экз. „Солдатской Правды“, 30.375 экз. московского „Социал-демократа“. С 1 мая по 11 июня громадное увеличение: 61.525 экз. „Солдатской Правды“, 32.711 экз. „С.-Д.“, 6.999 экз. „Правды“ и т. д.

В апрельской демонстрации ярко выявились результаты деятельности военной организации большевиков. „23 апреля следует считать датой, когда выявилось недовольство среди солдатских масс. Это день издания декларации бесправия солдата“, говорил на VI с'езде партии член военной организации. После издания декларации у солдат появляется определенное стремление выйти на улицу“. Июньская конференция военной организации насчитывала представительство от 26.000 солдат, организованных в большевистские ячейки. 160 делегатами было представлено около 500 полков, или 60 военных организаций (из них 43 фронтовых). „За исключением Кавказа и Сибири была представлена вся солдатская Россия, — говорит Н. И. Подвойский,—несомненно несколько миллионов солдат, так как не было ни одной крупной единицы, в которой бы влияние большевизма не чувствовалось“ [51].

Рабочий класс стремился армию завоевать. Он создавал свою красную пролетарскую гвардию. Красная гвардия вырастала в рабочей среде, она организовалась непосредственно на предприятиях. Опыт боевых дружин, опыт вооруженной борьбы был у пролетариата России, и этот опыт помогал рабочему классу успешно строить, формировать реальную силу для борьбы с буржуазией. Но этого было мало, ибо против армии рево-

люцию нельзя было совершить. Армия была прежде всего организацией вооруженного крестьянства, скованного военной дисциплиной. Она подчинялась централизованному аппарату военной власти, принадлежавшей командующим классам, военной власти, опиравшейся на вооруженное насилие, которое в обстановке войны являлось ее „естественным", верховным законом. На войне, как на войне. Пролетариат не мог овладеть армией в том виде и при той организации, какую она представляла собой, и нужно было ее, по меньшей мере, нейтрализовать или же разрушить.

Красная гвардия против армии — ничто; красная гвардия, крепко связанная с революционно-организованными и классово-сознательными военными частями, как передовой отряд армии—все. В этом направлении партия революционного класса и вела работу.

Буржуазия торопилась дать отпор рабочему классу. Деятельность первого коалиционного правительства началась и вся целиком прошла под знаком борьбы за армию.

Еще в начале марта был издан знаменитый приказ № 1, и уже тогда представители „революционной демократии" под давлением буржуазии делали телодвижения, выражавшие большое смущение и растерянность. Центральный Комитет партии народной свободы 7 марта указал Совету на необходимость отмены этого приказа, так как „интересы сохранения нашей боевой силы и успешное доведение войны до конца требуют этого". Гучков и Скобелев издали тогда воззвание, в котором говорилось о гибельности розни между солдатами и офицерами и о том, что приказ № 1 относится только к ленинградскому гарнизону. Но несмотря на то, что армия около 2 месяцев оберегалась от питерского поветрия, расслоение, политическая дифференциация армии шли усиленным темпом. В связи с этим новый военный и морской министр Керенский приступил к подтягиванию армии и подготовке наступления. Новый военный министр принужден был выпустить, наконец, „декларацию прав солдата", которая была выработана еще при Гучкове поливановской комиссией.

14 пункт декларации гласил: „в боевой обстановке начальник имеет право принимать все меры, вплоть до применения вооруженной силы, против неисполняющих его приказаний подчиненных". § 14 декларации имел преимущественное значение в боевой обстановке: ее нужно было скорее создать.

Напрасно „Известия" уверяли: „Наступление не начнется, пока правительство не выполнит принятую им программу

мероприятий. И пусть ни один солдат не думает, будто временное правительство пошлет его в наступление, не выполнив данной программы" [52]).

Во время I С'езда Советов в столице военной организацией большевиков и Ц. К. на 10 июня подготовлялась демонстрация, в которой должны были принять широкое участие и солдаты. По настояниям с'езда демонстрация была отменена. Но она состоялась 18 июня и прошла под лозунгами: „Долой войну", „Долой десять министров-капиталистов" и др.

Эта демонстрация была уже нечто, отличное от деклараций советской демократии.

Ответом на демонстрацию было наступление 18 июня.

Наступление 18 июня началось рассудку вопреки, наперекор стихиям, и закончилось, разумеется, печально.

„Армия вышла из повиновения. Спасти может только наступление и победа",—говорил кн. Долгоруков ген. Краснову. „И наступление не спасет, отвечал я, — рассказывает генерал Краснов,—потому что такая армия победы не даст... Ясно было, что армии нет, что она пропала, что надо, как можно скорее, пока можно, заключить мир и уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу. Я писал рапорты вверх, вверху ближайшее строевое начальство—командир корпуса, те, кто имеет непосредственное отношение к солдату, встречали их с сочувствием, но выше, в Штабе Особой Армии, ген. Балуев, в военном министерстве, во главе которого стал А. Ф. Керенский, к ним относились скептически" [53]).

Строевой командный состав учитывал моральное и боевое состояние войск, но бюрократически-штабистская верхушка и временное правительство руководились исключительно политическими соображениями, рассчитывая выиграть в обоих случаях: и в случае победы, и в случае поражения. В случае поражения потому, что оно даст возможность расправиться с „взбунтовавшимися рабами".

Картина политической подготовки к наступлению была такова. Ген. Деникин в своей речи на совещании 16 июля в Ставке рассказывал:

„В первый раз своего проезда через Могилев военный министр в разговоре со мной сказал: революционизирование страны и армии закончилось. Теперь должна наступить созидательная работа" [54]).

В чем выразилась созидательная работа Керенского? Временное правительство еще до начала наступления постановило расформировать 45, 46, 47 и 52 полки 12 и 13 дивизии.

Подготовка к наступлению дала возможность выдвинуть вопрос о выводе ленинградских частей. В обстановке оживления на фронте ленинградские войска могли быть легко об'явлены дезертирами, отсюда расправа короткая. Керенский выполнял директиву совещания членов гос. думы, где 3 июня было принято постановление: „государственная дума признает, что только в немедленном наступлении в тесном общении с союзниками кроется залог скорейшего достижения и окончания войны и закрепление навсегда завоеванных народом свобод".

Буржуазная пресса называла 18 июня светлой страницей революционного безвременья. „Ясно, что светлая страница не имеет никакого отношения к обороне, так как военное положение России в результате наступления только ухудшилось. Если буржуазия тем не менее с признательностью говорит о наступлении, то именно потому, что жестокий удар, полученный нашей армией в результате политики Керенского создал благоприятные условия для сеяния паники и контр-революционных экспериментов... И наступление и вопрос мира рассматриваются сейчас буржуазией и генералами ее, главным образом, под углом внутренней политики... Если понадобится... сепаратный мир, буржуазия заключит его, не моргнув глазом", — так писал Л. Троцкий о наступлении 18 июня [55]).

Необходимо здесь же попутно отметить следующее: министр Терещенко на совещании 16 июля в Ставке говорил: „Наше наступление, даже неудачное, подняло доверие к нам союзников, а для многих, в том числе и для американцев, явилось неожиданностью, ибо они думали, что раньше осени мы к активным действиям не перейдем" [56]).

Напряжение сил и увеличение армии союзников (англичане, например, довели численность армии до 2-х миллионов), вступление Америки в войну и др. факторы подорвали военное значение России.

Союзники к этому времени убедились, что большой пользы и помощи в войне от революционных русских войск не получить. Русские войска во Франции причиняли уже не мало хлопот французам, и первую особую дивизию в связи с этим собирались эвакуировать из Франции на Салоникский фронт. Неудивительно, что наступление 18 июня было для союзников отчасти неожиданностью.

В деле восстановления дисциплины и подготовки к наступлению немалую роль сыграли армейские комитеты. Эсеры,

меньшевики и просто обыватели, сидевшие в комитетах, играли на фронте такую же роль, как и во всей стране. То, что не могли сделать сами буржуа, они поручали подручным социалистам.

Уговаривание рабочих, воздействие на Кронштадт, поднятие дисциплины на фронте—этим занимались эсеры и меньшевики, не всегда, правда, с одинаковым успехом.

В. Шкловский в книге „Революция и Фронт" дает яркую характеристику комитетчиков. „Вольноопределяющиеся, довольно робкие, преподаватели, случайно попавшие в строй, врачи—все это были, люди не думавшие ни о каких своих выгодах, но очень мало приспособленные для овладения бурей революции. Состав их был случаен... Всякий хорошо грамотный человек, и в то же время не офицер, почти автоматически переходя из комитета в комитет, попадал в комитет фронта... В общем, комитетчики были людьми без решений, людьми, сознающими невозможность строительства своими силами, поэтому они были настроены охранительно".

Ген Брусилов на совещании 16 июля признавал роль комитетов в период наступления положительной.

Крах наступления 18 июня привел к двояким результатам. С одной стороны, он вызвал стихийное возмущение масс, которое начинало уже хлестать через головы вождей. С другой стороны, шла встречная волна буржуазно-генеральской контрреволюции.

Июльское наступление. Партия большевиков и революционные массы.

8. Июльское выступление было спровоцировано всей политикой наступления, которую проводило временное правительство.

Ленинград переживал все изломы революции с необычайной остротой, ибо здесь лицом к лицу сталкивались передовые части, головные отряды борющихся классов. Ленинград вбирал в себя все недовольство рабочих, солдатских и крестьянских масс страны. Делегации из всех промышленных районов страны, с фронта, из деревень направлялись в столицу. В советах, на митингах, в партийных и профессиональных организациях Ленинграда они искали поддержки, здесь они высказывали свои жалобы, тревоги, чаяния.

Вывод воинских частей из столицы, разоружение революционного пулеметного полка, известия о расправах на фронте, о готовящихся репрессиях и восстановлении смертной казни на фронте возбуждали, нервировали революционную столицу. Смысл наступления 18 июня, начавшегося в день грандиозной демонстрации рабочих и солдат, был слишком понятен.

Лозунг свержения политической власти буржуазии, перехода всей власти к советам, как первого и решающего шага к осуществлению первоочередных требований народных масс, приобрел величайшую актуальность.

Массы получили серьезный и весьма наглядный урок политической грамоты, азбуки революции: дело не в отдельных личностях, не в кознях Милюковых, даже не в злой воле десяти министров-капиталистов, а во всей системе соглашения с буржуазией.

Пока у власти стоит буржуазия, один факт существования советов не обеспечивает интересов революции. В вооруженных июльских демонстрациях масса рабочих, солдат и матросов пред'являла уже не частичные требования—убрать отдельных министров из временного правительства, а требовала перехода всей власти к советам.

Однако, крестьянин на фронте и в деревне нуждался в более конкретных и ощутимых уроках.

Наступление должно было окончательно обанкротиться, опасность восстановления непосредственной власти помещика-зубра, генерала стать реальной, угроза не получить земли, лишиться надежды на скорый мир должна была стать действительной, стать делом сегодняшнего дня, чтобы крестьянство, мелкая буржуазия прониклись решимостью свергнуть власть буржуазии, передать всю власть советам.

Основное, что поражает в июльском выступлении—необычайная стихийность, внезапность движения революционных масс.

Партия стремилась удержать массы от выступления, считая, что момент неподходящий.

„У нас было решено переждать момент наступления,—говорил тов. Сталин на 6 с'езде партии,—дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию, и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать временному правительству исчерпать себя".

И тем опаснее было выступление, что буржуазно-эсеровская контр-революция его хотела. Крах наступления был неминуем. Июльское выступление делало партию большевиков и революционный пролетариат громоотводом, давало буржуазии возможность обратить гнев армии и мелкой буржуазии против большевиков, против Ленинграда. Контр-революция, оказалось, была лучше подготовлена к событиям. Для успешной расправы с партией пролетариата и революционными массами все было подготовлено: были стянуты казачьи части, юнкера

и казаки жаждали расправы с ленинцами, в министерстве юстиции лежали наготове сфабрикованные документы и подобраны провокаторы, которые должны были уличить вождей большевиков в измене и шпионаже.

Стихийное, неподготовленное выступление революционного авангарда, опередившего остальную массу, забежавшего слишком далеко вперед, могло окончиться тяжелым поражением рабочего класса, физическим и моральным, поражением, которое замедлило бы развитие революции на значительное время. Но буржуазия обманулась в своих ожиданиях, революционные массы отступили в полном порядке. Контр-революции не удалось сделать массам кровопускание, какое бы буржуазии хотелось.

Революционные массы в стихийном, неподготовленном выступлении проявили, если позволительно так выразиться, стихийную организованность. И если чему-либо приходится удивляться, так именно тому, что революционные массы, поддавшиеся инстинктивному порыву возмущения, сумели ограничиться вооруженной демонстрацией и не ввязываться в битву, которая наверняка кончилась бы для них печально.

Партия революционного пролетариата встретила выступление непослушных масс не упреками и никчемным резонерством, а оценила выступление, как здоровую, подлинно-революционную инициативу, оценила стихийность движения, как „признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости".

„Партия не хотела выступления... Тем не менее выступление, стихийное, вызванное разрухой в стране, приказами Керенского, отправлением частей (ленинградских. Д. К.) на фронт, состоялось, и партия, не желая занимать положения прохожего, сочла своим долгом вмешаться в движение. Что это за массовая партия, которая проходит мимо движения масс?"— говорил Сталин в отчете о политической деятельности Ц. К. на 6 с'езде партии [57].

Июльское поражение вызвало несомненную депрессию в рядах пролетариата. Беспрерывно ухудшавшееся экономическое положение в стране, недостаток продовольствия в Ленинграде, июльская неудача, блок соглашателей с военщиной и буржуазией, расправа обнаглевшей реакции с революционными солдатами, матросами и рабочими,—все эти факты не могли понизить боевого настроения революционного Ленинграда. Однако, реакции не удалось произвести разгром в среде партии и пролетариата.

6 с'езд партии большевиков. Лозунг „вся власть советам". Вопрос о войне на 6 с'езде партии.

9. Партия большевиков неуклонно сплачивала вокруг своих рядов революционные элементы рабочего класса и армии. На апрельской конференции было представлено 78 организаций с 80 тысячами членов партии. На 6 с'езде, открывшемся 26 июля, тов. Свердлов в докладе называл цифру организаций—162, и насчитывал, в общем, до 240.000 членов партии. В Ленинграде число членов партии доходило до 41 тысячи (вместе с межрайонной организацией и военной организацией). По проведенной на с'езде анкете о партийной печати до июльских событий партийных органов на разных языках насчитывалось—41. После июльских событий было закрыто лишь незначительное число газет, но вместе с тем начало издаваться несколько новых органов. Общий дневной тираж доходил до 320 тысяч экземпляров, при чем одной „Правды"—85 тысяч.

Партии удалось сохранить своих вождей от расправы.

В этот период уже совершенно ясно определилось, что оборонческие советы стали тормазом для развития революции. Лозунг „вся власть советам" потерял свое значение, не соответствовал моменту, ибо переход власти к бессильным, соглашательским советам не мог явиться шагом вперед. Перед революционным пролетариатом стояла задача отвоевания советов у меньшевистски-эсеровской реакции. Пока происходил под'ем революции, советы—плохо ли, хорошо ли—выполняли свое назначение. Но после июльских событий они из органа революционного контроля над временным правительством, стали тормазом революционного развития. Советы, как форма организации революционных масс, сохранили свое значение, но при данном составе, в данной политической обстановке они являлись привеском буржуазно-генеральской контр-революции.

„Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелко-буржуазных слоев, главный грех их—доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной... Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным... Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом развития партийной борьбы, до созна-

тельной поддержки ими контр-революционеров... Советы могут и должны будут появиться... в новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы борьбы с ней",—так писал Ленин в брошюре „К лозунгам" [58]).

Эта точка зрения была усвоена 6 с'ездом партии и зафиксирована в резолюции „О политическом положении".

Вместе с тем на с'езде вполне отчетливо был отмечен политический характер наступления 18 июня и затягивание войны оценено, как момент гражданской войны, борьбы с революцией не меньше, а, быть может, и больше, чем с внешним врагом.

„Война продолжается в силу двух причин,—говорил тов. Бухарин:—1) в силу захвата в орбиту капиталистической бойни новых стран света (Америки, Китая), и в силу расчета буржуазии продолжением бойни подавить революционное движение внутри страны"... „Так как военно-милитаристская клика во время войны является господствующей, то совершенно естественно, что эти органы государственной власти получают небывалое влияние не только на фронте, но и в стране... Когда у нас началось наступление, когда Корнилов окреп на фронте, крепнут Корниловы и в тылу".

Бухарин в своей речи указал и на то, что одним из мотивов, вследствие которого международная буржуазия толкает правительство России на продолжение войны, является стремление путем войны задушить революцию.

„У нас было братание, которое все расширялось и имело шансы перебросится на другие фронты... Это и был самый опасный пункт в русской революции для европейского капитала... И она пытается сорвать это братание, создавши необходимые предпосылки для военной диктатуры в России... Давление союзного капитала возымело свое действие... Политика союзного капитала увенчалась успехом"...

„Разруха вызывает революцию,—говорил Бухарин в заключительном слове,—как же буржуазия затушит революцию затягиванием войны? Но это противоречие не у меня, а у того положения, в которое попала буржуазия. С одной стороны, война рождает революцию, но с другой стороны, она мешает развертыванию сил революционного пролетариата" [59]).

Насколько правильна была такая оценка показывало дальнейшее развитие революции.

Корниловы крепли на фронте, Корниловы крепли в тылу. Буржуазия готовила бонапартистский переворот, мелко-буржуазные демократы легализовали ее планы всей своей тактикой.

Бонапартизм и мелкая буржуазия. Соглашатели расчищают дорогу корниловской контр-революции. Подготовка к гражданской войне.

10. Блок буржуазии и мелко-буржуазных демократов, заключенный в июне, помог временному правительству в июньские дни расправиться с массами и их революционными вождями.

Июльское выступление укрепило этот блок, заставило эсеров и меньшевиков еще глубже погрузиться в мертвящие об'ятия реакции.

Мелко-буржуазные демократы почти самоупразднились и передали всю полноту власти временному правительству. 9 июля Ц. И. К. вынес резолюцию: „Признавая положение на фронте и внутри страны угрожающим военным разгромом, крушением революции и торжеством контр-революционных сил—об'единенное собрание ЦИК С. Р. С. и Кр. Д. постановляет: 1) страна и революция в опасности, 2) временное правительство об'является правительством спасения революции, 3) за ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции и анархии... 4) обо всей своей деятельности министры-социалисты докладывают об'единенному ЦИК не менее 2-х раз в неделю“ [60]).

Но Керенский искал поддержки не у послушного ЦИК, а у генеральско-буржуазной реакции.

Корниловцы, Савинков и Филоненко требуют от правительства введения смертной казни и полевых судов. Начинает решительную атаку Корнилов:—„Армия обезумевших, темных людей, не ограждаемых властью от систематического развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражения, царит ужас и срам... Необходимо немедленно, в качестве временной меры, введение смертной казни и полевых судов на театре военных действий“ [61]).

В результате июльской победы буржуазии, временное правительство декретирует отдачу армии на произвол военной олигархии, вводит смертную казнь через расстреляние: за измену, за бегство с поля сражения, за подстрекательство и возбуждение к сдаче и т. д.

Министр внутренних дел Церетелли, добивавшийся разоружения рабочих, пытается лишить партию большевиков и революционные массы легальных возможностей борьбы с торжествующей контр-революцией. „Прямо и косвенно виновные в июльских событиях арестуются и передаются суду“, мятежникам грозят оружием, собрания запрещаются.

Временное правительство бросило к ногам буржуазии армию, рабочий класс. Оно наносит удар и национальному движению, распускает финляндский сейм.

Торгово-промышленная буржуазия заявляет условия, на которых она пошлет своих представителей во временное правительство: „независимость“ власти, боевая мощь и железная дисциплина в армии, „недопустимость разрушения промышленности, имеющей государственное значение“, отказ от какой бы то ни было ломки социальных отношений до Учредительного Собрания.

На частном совещании государственной думы говорят об установлении буржуазной диктатуры и разгоне советов. Керенский и Терещенко в Ставке организуют корниловщину. На совещании 16 июля в Ставке раз'яренные генералы требуют уничтожения института комиссаров и комитетов, введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу, из'ятия политики из армии, санкции на формирование „отборных частей“, в качестве опоры власти и на случай применения вооруженной силы против неповинующихся частей.

На совещании в Ставке намечается план вывода революционных воинских частей из Ленинграда, всего до 80—90 тысяч человек, выносится решение об эвакуации и разгрузке столицы от некоторых фабрично-заводских предприятии и части рабочих, хотя все единогласно признают, что военная опасность столице не угрожает.

Еще до совещания в Ставке контр-революция организует свои вооруженные силы: георгиевских кавалеров, ударные батальоны, офицерские батальоны смерти и прочие формирования под различными названиями.

После июльских событий формирование „отборных частей“ развертывается шире.

Подготовка к гражданской войне заслоняет вопрос о борьбе с внешним врагом.

Брусилов на совещании 16 июля говорил: „При начале операции (18 июня Д. К.) я указывал, что на успех ее рассчитывать не следует. Что касается будущих операций, то подготовиться к ним мы можем не раньше будущей зимы. Даже, вернее, не раньше весны. Условия зимней кампании таковы, что эта операция будет даже менее удачной, чем только что прошедшая“.

Главное внимание военной олигархии направлено было на подготовку гражданской войны. Еще 8 июня верховный главнокомандующий секретно писал Деникину, Корнилову,

Щербачеву и др. письма, в которых излагает события июльских дней в Ленинграде и предлагает проводить „формирование или, вернее, отбор испытанных, надежных в смысле дисциплины войск, которые могли бы явиться опорой власти... и действовали бы во имя спасения родины от анархии и разврата... Желательно, чтобы эти части „долга перед свободной родиной" были бы намечены в каждом крупном войсковом соединении... чтобы каждый начальник знал, на кого он мог бы в случае надобности положиться". В своих ответах Брусилову генералы требуют предоставить усмотрению командующих способ и форму организации таких частей, развивают план об'единения их во всеармейском масштабе.

Корниловщина и временное правительство. Сдача Риги. Генеральский мятеж. Мыльный пузырь бонапартизма.

11. Назначение Корнилова верховным главнокомандующим дало контр-революции знамя. Корнилов был ставленником думских и кадетских кругов и действовал по уговору с ними.

В Ленинграде работала нелегальная офицерская организация, подготовлявшая переворот и разгон Советов. „Большинство участников петроградских организаций принадлежало к правым кругам", — рассказывает генерал Деникин. Но отсюда не следует, что целью их была реставрация. Они удовлетворялись свержением советов и установлением „сильной власти", не влагая в это понятие слишком конкретной сущности" [62])...

На ряду с тем, как вера в возможность успешного продолжения империалистической войны у буржуазии пропадала, представители временного правительства заявляли, что о мире говорить не приходится. На совещании в Малахитовом зале Зимнего Дворца, когда обсуждался вопрос о новом кризисе власти, создавшемся в июльские дни, Терещенко заявлял, что „сейчас уже никто не думает о мире, ибо все понимают, что ныне он невозможен". Церетелли с прямолинейностью, граничащей с утопизмом и еще более с глупостью, говорил о продолжении войны до тех пор, пока народ с честью выйдет из нее.

1-го августа Керенский с английским королем обменялися заверениями о готовности продолжать войну до победного конца. Попытка созыва стокгольмской социалистической конференции кончилась пуфом, и неудивительно: обмен взаимными уверениями между королем Англии и „всесильным" Керенским означал, что когда повелители говорят, соглашатели должны молчать.

На Московском совещании Корнилов, поехавший на совещание с целью моральной подготовки своего выступления, говорил:—„Мир сейчас не может быть достигнут уже по одному тому, что мы не в состоянии произвести демобилизацию".

Корнилов грозил, что если его предложения о восстановлении железной дисциплины в армии, поднятии авторитета офицеров и т. д. не будут приняты, то падение Риги заставит их принять.

Рига была отдана, несмотря на героическое сопротивление „зараженных большевизмом" частей, в особенности латышских стрелков.

„Рига" знаменовала решительный поход контр-революции на армию и демократию. Однако, великая провокация делалась ясной для всех.

Комиссары Северного фронта Войтинский и Станкевич опровергали клеветнические сообщения Ставки о шкурничестве и трусости частей, отступавших из-под Риги. Рабочая секция Ленинградского Совета вынесла резолюцию:—„Из Ставки продолжают распространяться лживые клеветнические слухи о бегстве наших войск, дерущихся героически... Последнее поражение снова используется контр-революцией для нанесения удара завоеваниям рабочего класса".

Самые „добросовестные оборонцы" начинали понимать, откуда грозит опасность, кто виновен в поражениях. Было ясно для всех, что за падением Риги последует удар контр-революции по Ленинграду. „Правительство спасения революции" принялось за дело. Из Ленинграда выводили войска, столица была об'явлена на военном положении под предлогом будто бы готовившегося выступления большевиков; пролетарская печать была закрыта.

Между тем Ставка и временное правительство готовили провозглашение диктатуры. Корнилов требовал от правительства установления военной диктатуры, милитаризации всей промышленности, установления военных порядков на железных дорогах, восстановления каторжной дисциплины в армии и т. д.

По соглашению с Керенским третий конный корпус и туземная корниловская дивизия были сняты Корниловым будто бы для усиления Северного фронта и двинуты к Ленинграду.

Накануне Корниловского мятежа положение в стране было таково. Пролетариат и революционные массы принуждены отступить. Авангард революционного пролетариата и армии разоружены, их вожди загнаны в подполье.

Крестьянство прислушивается к голосу фронта, но еще выжидает и нащупывает дорогу.

Мелко-буржуазные демократы и буржуазия заключили союз. Временное правительство поощряет военную олигархию к решительным действиям. Буржуазия подготовляет организацию общественных сил, которые должны стать опорою бонапартистского переворота.

Мелкая буржуазия была поставлена перед угрозой военной катастрофы. Это, казалось, дало возможность нейтрализовать мелкую буржуазию, восстановить в армии дисциплину и, в расчете на пассивность и запуганность мелкой буржуазии, произвести переворот.

Однако, бонапартистский переворот не мог произойти при условии действенно-революционной враждебности пролетариата, ненависти армии и антагонизме крестьянства.

„Новый цезаризм, выросший из борьбы пролетариата и буржуазии, ищет необходимой опоры в пассивной устойчивости крестьянства; при этом главным орудием бонапартизма является дисциплинированная армия. У нас же нет ни одного из этих условий налицо“,—писал Л. Троцкий [64]).

Франция в период великой революции вела успешные патриотические войны, войны, начавшиеся в интересах защиты революции, и только позже „патриотизм выродился в милитаризм“.

Буржуазная революция во Франции в известной мере удовлетворила крестьянство. И крестьянство, не сочувствовавшее бесконечной революции, относилось равнодушно к ее судьбам. Армия, солдаты-крестьяне обожали полководца Наполеона, сделавшего Францию „великой нацией“. Рабочие имели свои „три восьмерки“, которых добивались в 89 и 90 годах, т. е. хлеб по 8 су за три фунта, вино по 8 су за литр и говядину по 8 су за фунт, голод прекратился и жизнь стала дешевой [65])...

Россия же продолжала, и крайне неудачно, войну не ради спасения революции, она вела чисто империалистическую бойню, чуждую интересам рабочего класса и крестьянства.

Буржуазная февральская революция в России не удовлетворила аграрных требований крестьянства. Пролетариат испытывал тяжелое материальное положение и голод, видел, как буржуазия разрушает промышленность. Армия устала от войны, ненавидела офицерство, генералов и боялась восстановления старой дисциплины. В национальной политике своей временное правительство совершило тысячу ошибок и бестактностей, даже с точки зрения буржуазных интересов.

И сверх всего „математические точки приложения бонапартизма“ в лице Керенского и Корнилова не могли быть точками опоры для буржуазной контр-революции.

„Имя Корнилова,—свидетельствует ген. Краснов,—становилось популярным в офицерской среде, офицеры ждали от него чуда—спасения армии, наступления, победы... Для солдат имя Корнилова стало равнозначащим смертной казни и всяким наказаниям. Корнилов хочет войны, говорили они,—а мы желаем мира“ [66]).

Герой фразы, воплощение мещанской расхлябанности, Керенский, в качестве военного министра, покрывший свое имя позором тарнопольского поражения, жалкая „штатская шляпа“, не был уже ни для армии, ни для крестьянства кумиром.

Февральская революция на исходе.

Кризис в стране. Перед опасностью катастрофы. Демократическое совещание. Декларация большевиков в Предпарламенте.

12. В августе—сентябре экономическая катастрофа была налицо. По докладу Бернацкого, металлургическое производство сократилось на 40%, текстильное—на 20%. Особенно сильно была захвачена разрухой железная дорога. Железные дороги в марте получали 58 мил. пуд. угля, в апреле—44, в мае—46, в августе—35, на 1 сентября запас топлива равнялся 22 мил. пуд. при потребности в 43 мил. Древесное топливо правительство заготовить было не в состоянии. В Донбасе добыча угля со 140,2 мил. пудов в мес. пала до 112,8 мил. пудов. В Донецкой области еще к концу июля приостановилось 77 предприятий.

П. Богданов в статье „Промышленность за 5 лет революции“ приводит следующие сравнительные цифры производства за 1916 и 1917 годы.

	1916 г.	1917 г.
Добыча угля	1.886 мил. пуд.	1.653 м. п.
Чугуна	232 „ „	183 „ „
Медь	21.000 тонн.	15.000 тонн.
Готов. издел. мет. промышлен.	206 мил. пуд.	155 м. п.
Выработка пряжи	18.000 тыс. „	15.000 т. „[67]).

Столицам грозил голод. В Поволжьи был неурожай, и потому отсюда нельзя было надеяться получить хлеб. Да и вообще крестьянство не хотело возить хлеб в города. Экономический саботаж буржуазии и продовольственный саботаж крестьянства, падение производительности труда углубляли кризис.

Корниловский мятеж изменил соотношение сил в стране. Мелкая буржуазия, которая после июльских событий шарах-

нулась в об'ятия корниловщины, начала отход в сторону революционного пролетариата. Единственной силой, которая сумела организовать дело корниловского мятежа, оказался пролетариат с партией большевиков во главе.

В период корниловского выступления в ряде городов образовались военно-революционные комитеты. Советы и комитеты во многих городах и воинских частях фактически стали полными хозяевами. После подавления мятежа Керенский отдал приказ об упразднении военно-революционных комитетов. Но это был выстрел в воздух.

Буржуазно-помещичья реакция вовлекла армию в открытую гражданскую войну. Корниловский мятеж необычайно ускорил процесс распада армии. В каждом офицере солдаты, не без основания, видели корниловца.

Политический кризис и экономическая катастрофа, гниение власти и распад хозяйства грозили стране гибельными последствиями.

В городах обострялось недовольство на почве голода. Аграрная революция нарастала. Правительственная партия социал-революционеров безуспешно вела борьбу с самочинными захватами земли. Солдатские бунты участились. Дезертирство усилилось необычайно. Солдаты „голосовали за скорейшее окончание войны... ногами", т.-е. попросту бежали с фронта.

В лагере революции, однако, шло накопление сил. Советы, армейские комитеты переходили в руки большевиков.

Вот почему вместо очередного всероссийского с'езда советов меньшевики и эсеры решили созвать демократическое совещание. На демократическое совещание представительство получали, помимо Советов и рабочих организаций, местные самоуправления, кооперации, земские и городские союзы, различные интеллигентские организации. Но и в подтасованном демократическом совещании все же позиция рабочего класса и крестьянства обнаружилась в достаточной степени.

Тов. Ленин в брошюре „Удержат ли большевики государственную власть" приводил следующие цыфры. По куриям советов голосование по вопросу о коалиции с буржуазией дало такие результаты.

	За коалицию.	Против.
Советы Раб. и Солд. Депутатов	83	192
Советы Крестьян. Депутатов	102	70
Все Советы:	185	262

Демократическое совещание отвергло коалицию с кадетами. И это было весьма показательно, несмотря на то, что политику соглашения с буржуазией, вообще, совещание не осудило.

На демократическом совещании временное правительство лишний раз проявило свое ничтожество. Министр юстиции коалиционного правительства так характеризовал политику правительства в деле войны и мира.

„С самого начала,—говорил Зарудный,—мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом временного правительства, я не знаю, делало ли временное правительство в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого. Когда я, в качестве члена временного правительства, осведомлялся об этом, я не получал ответа".

Подтасованное демократическое совещание подготовило еще более крупный подлог. Оно выделило из своего состава „Совет Республики", предпарламент.

Предпарламент был пополнен представителями буржуазии, и в таком виде он призван был заменять Учредительное Собрание до тех пор, пока оно будет созвано.

Вопросы о войне и об армии, отодвинувшиеся было на второй план, снова встали в крайне обостренной форме.

Полумертвый ЦИК принялся за обсуждение вопроса о положении армии и о внешней политике. Но что могло дать это бессильное учреждение?

Меньшевик Абрамович на экстренном с'езде с.-д. в начале декабря рассказал следующий характерный факт. Церетелли сказал однажды в Центральном Комитете меньшевиков: „Я допускаю, что страна стихийно идет к сепаратному миру, но зато мы останемся чисты от обвинения в этом" [68]).

Чистота меньшевистских риз была для Церетелли дороже интересов страны.

„Все потеряно, кроме чести",—мог сказать Церетелли.

В начале октября открылись заседания предпарламента, Совета Республики. Это была лебединая песня временного правительства. В соединенном заседании комиссии по обороне и внешней политике Совета Республики военный министр Верховский заявил, что катастрофа на фронте неминуема, необходимо заключить мир во что бы то ни стало. Верховский был за свое выступление отставлен и получил предложение немедленно покинуть столицу. Сведения о докладе было запрещено печатать.

От имени фракции большевиков, покинувшей предпарламент, Л. Троцкий прочел декларацию, звучавшую смертным приговором правящим классам и партиям.

„Цензовые классы теперь открыто держат курс на „костлявую руку голода", которая должна задушить революцию, и в первую очередь Учредительное Собрание. Не менее преступной является и внешняя политика. После 40 месяцев войны столице грозит смертельная опасность... Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам ни мало не вызывает возмущения буржуазных классов, а, наоборот, приемлется, как естественное звено общей политики, которая должна облегчить им контр-революционный заговор... Петроград в опасности, революция в опасности, народ в опасности. Правящие партии усугубляют ее. Только сам народ может спасти себя и страну" [69]).

Заключение. 13. „Наша революция порождена войной", — говорил тов. Ленин в январе 1918 года в речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. Но война, породив революцию, грозила убить ее. Правда, в империалистической войне буржуазия вооружила пролетариат, „научила его владеть оружием". Война до необычайного напряжения взвинтила классовые противоречия, создала обстановку, позволившую пролетариату сконцентрировать против самодержавия и буржуазно-помещичьей власти могучие разрушительные силы. Она расшатала, привела в негодность аппарат власти и старой армии. Затянувшаяся война заставила колебавшуюся, рыхлую мелкую буржуазию и крестьянство пойти за пролетариатом, выступавшим в качестве представителя всей нации, стоявшей перед опасностью всеобщей катастрофы.

Затягивание войны, болезненное разложение армии привели бы к тому, что революция изошла бы в военных мятежах, крестьянское восстание за землю разбилось бы на тысячу ручейков, превратилось бы в неорганизованную стихию. Экономический развал чреват был полной дезорганизацией пролетариата, т.-е. привел бы к разрушению костяка революции, сделал бы ее бесхребетной.

Интересно то, что и меньшевики на экстренном с'езде партии в начале декабря 17 года говорили о том, что „ликвидация войны была не только интернациональной обязанностью пролетариата, но и потребностью русской революции и страны: здесь было редко встречающееся в жизни совпадение национальных и интернациональных интересов". Они признавали „об'ективно-прогрессивное" значение октябрьской революции.

Ликвидация империалистической войны была предпосылкой положительного революционного творчества, и только она позволяла поставить в порядок дня основные вопросы пролетарской революции. Она, разумеется, ни в коей мере не исчерпывала главного содержания пролетарской революции, и заключение мира могло быть только исходной позицией в борьбе за уничтожение экономического господства буржуазии. С империалистической войной на шее пролетариат не мог двинуться с места.

„Мира, хлеба, земли и воли"—это об'единяло всю народную массу, но приступом к проведению в жизнь этого лозунга могли быть, во-первых, завоевание власти Советами, во-вторых, ликвидация войны.

С 25 октября и со дня заключения Брестского мира—с этих великих дат ведется летоисчисление пролетарской революции в России.

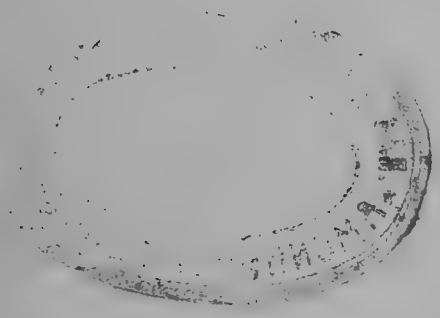
ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Привожу по книге „Накопление капитала". Р. Люксембург. Гиз. 1923.
[2]) По данным проф. Гриневецкого „Послевоенные перспективы русской промышленности".
[3]) Проф. Исаев. „Мировое хозяйство". СПБ. 1910. Стр. 56.
[4]) Привожу по книге. „Экспортные возможности России". М. Коган и И. Шенкман. НКВТ. М. 1922.
[5]) М. Н. Покровский. „Внешняя политика". М. 1919.
[6]) „Ежегодник Коминтерна". 1923. Л. Крицман. Стр. 332, 334.
[7]) М. Н. Покровский. „Очерк истории русской культуры". Ч. I. 1923. Изд. „Прибой". П. Стр. 132.
[8]) М. Н. Покровский. „Внешняя политика".
[9]) Вопрос о высоких таможенных тарифах на хлебо-продукты, вывозимые Россией, стоял гораздо шире, ибо аграрный протекционизм процветал и во многих других государствах. Вот таблица ставок таможенных тарифов (в копейках за пуд).

	Германия 1894—1905 г.г.	Германия с 1905 г.	Франция с 1894 г.	Италия с 1898 г.	Австро-Венгрия с 1906 г.
Пшеница	26,6	41,8	42,7	46,1	40,7
Рожь	26,6	38,0	18,3	27,7	37,4
Овес	21,3	38,0	18,3	24,6	31,0
Ячмень пивоварен. .	15,2	30,4	24,6	24,6	18,1
„ кормовой .	—	9,9	—	—	—

Привожу по ст. В. Э. Дена „Торговля России с Германией", журн. „Экономическое возрождение", № 1.

[10]) М. Н. Покровский. „Русская история", т. 4. Гиз. 1923. Стр. 271.
[11]) К. Маркс и Ф. Энгельс.—Письма. Моск. Рабочий. 1923. Стр. 222, 226.
[12]) Lujo Brentano.—Die Urheber des Weltkrieges. Leipzig. 1922.
[13]) „Военная наука и революция", кн. 2. 1921. М. Павлович.—Советская Россия и новый Карфаген.
[14]) Отчет гос. думы за 1912 г.
[15]) По книге Л. Каменева. „Между двумя революциями". „Новая Москва". 1922. Ст. „Полит. стачка в России".
[16]) По книге Г. Зиновьева. „Война и кризис социализма". Т. 4. 1920. Стр. 214, 215.
[17]) Г. Цыперович.—Тресты и синдикаты в России. Стр. 58, 59, 60.
[18]) С. Прокопович.—Война и народное хозяйство.
[19]) По брошюре Р. Арского „Пути русской революции". Изд. „Прибой".
[20]) См. 17 пр.
[21]) „Современный мир", кн. 11. Л. Клейнборт, ст. „Сельскохозяйственная..."
[22]) Сборник „Вопросы мировой войны". Стр. 391.
[23]) Здесь и ниже ссылки и цитаты привожу по стенографическим отчетам гос. думы.
[24]) По книге П. Маслова „Итоги войны и революции". М. 1922. Стр. 192.
[25]) См. 18 пр.
[26]) См. 4 пр.
[27]) И. Орлов.—Продовольственная работа Советской власти. М. 1918.
[28]) Красный Архив, т. II. Переписка Сухомлинова с ген. Янушкевичем.
[29]) См. 13 пр.
[30]) Питт—глава английского министерства. Приведенные слова были сказаны Питтом во время войны Англии с Наполеоном.
[31]) Ген. Лукомский.—Воспоминания, т. I. Изд. Гржебина. Стр. 97—110.
[32]) П. Н. Милюков.—История второй русской революции. София. 1918.
[33]) По статье М. Павловича, см. 13 пр.
[34]) „Против течения", Н. Ленин и Г. Зиновьев. Ст. Ленина „Что доказал суд над р. с.-д. р. фракцией".
[35]) Сборник. „Накануне великой революции". Ст. Лациса „Тверская группа". Изд. Новая Москва. 1922.
[36]) Граф Бобринский, крупнейший землевладелец и сахарозаводчик. Член гос. думы.
[37]) По книге А. Шляпникова „Канун 17 года". 1920.
[38]) Сборник „Против течения". Ст. Г. Зиновьева „Вползли в легальность".
[39]) По статье Д. Рязанова „Теория и практика гвоздевщины". Сборник „Международный пролетариат и война". 1919. Гиз. М.
[40]) Сборник статей с.-д. оборонцев, вышедший во время войны.
[41]) Журнал „Статистика труда". Изд. Н. К. Т. № 4—5, ст. Колокольцева.
[42]) По книге ген. Лукомского, см. 31 пр.
[43]) А. Блок.—Последние дни старого режима. Архив И. В. Гессена, т. IV.
[44]) И. Суханов.—Записки о революции. Изд. З. И. Гржебина, кн. I.
[45]) См. 32 пр.
[46]) Н. Ленин.—Собр. сочинений, т. XIV, ч. I. Статья „Задачи пролетариата в нашей революции".
[47]) „Архив русской революции" И. В. Гессена, т. 2.
[48]) Архив И. В. Гессена, т. I, с. 41.
[49]) Цитирую по статье П. Месяцева в сборнике „За 5 лет". Издание „Кр. Новь". Стр. 251.
[50]) Цитирую по ст. Н. Ленина. Собрание сочин., т. XIV, ч. I. Стр. 151.
[51]) Н. И. Подвойский. „Военная организация Р. С.-Д. Р. П. „Красная летопись", № 6. 1923.
[52]) „Известия Петр. Совета" № 68, от 17 мая.

[53]) Архив И. В. Гессена, т. I. Стр. 99.
[54]) „Красная летопись", № 6. Отчет о совещании в Ставке. „На фронте в предоктябрьские дни".
[55]) Л. Троцкий. „Что же дальше?" Изд. „Прибой". П. 1917.
[56]) См. 54 пр.
[57]) Отчет о VI с'езде Р. К. П. Изд. „Коммунист".
[58]) Н. Ленин. Собр. сочинений, т. XIV, ч. II.
[59]) См. 57 пр.
[60]) Цитирую по „Запискам о революции". Н. Суханов, кн. 6.
[61]) См. 60 пр.
[62]) „Очерки Русской Смуты". Ген. А. И. Деникин. Т. II. Стр. 26. Париж.
[63]) „Записки о революции", кн. 5. Стр. 101—102.
[64]) См. 55 пр.
[65]) А. Олар. Политическая история французской революции". П. 1918.
[66]) См. 53 пр.
[67]) „За 5 лет". Изд. „Кр. Новь".
[68]) „Вперед". Орган. Моск. орг. Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков). № 228, 8 декабря.
[69]) См. 60 пр.

ГОСУ...
И...
БИБЛ...
№...